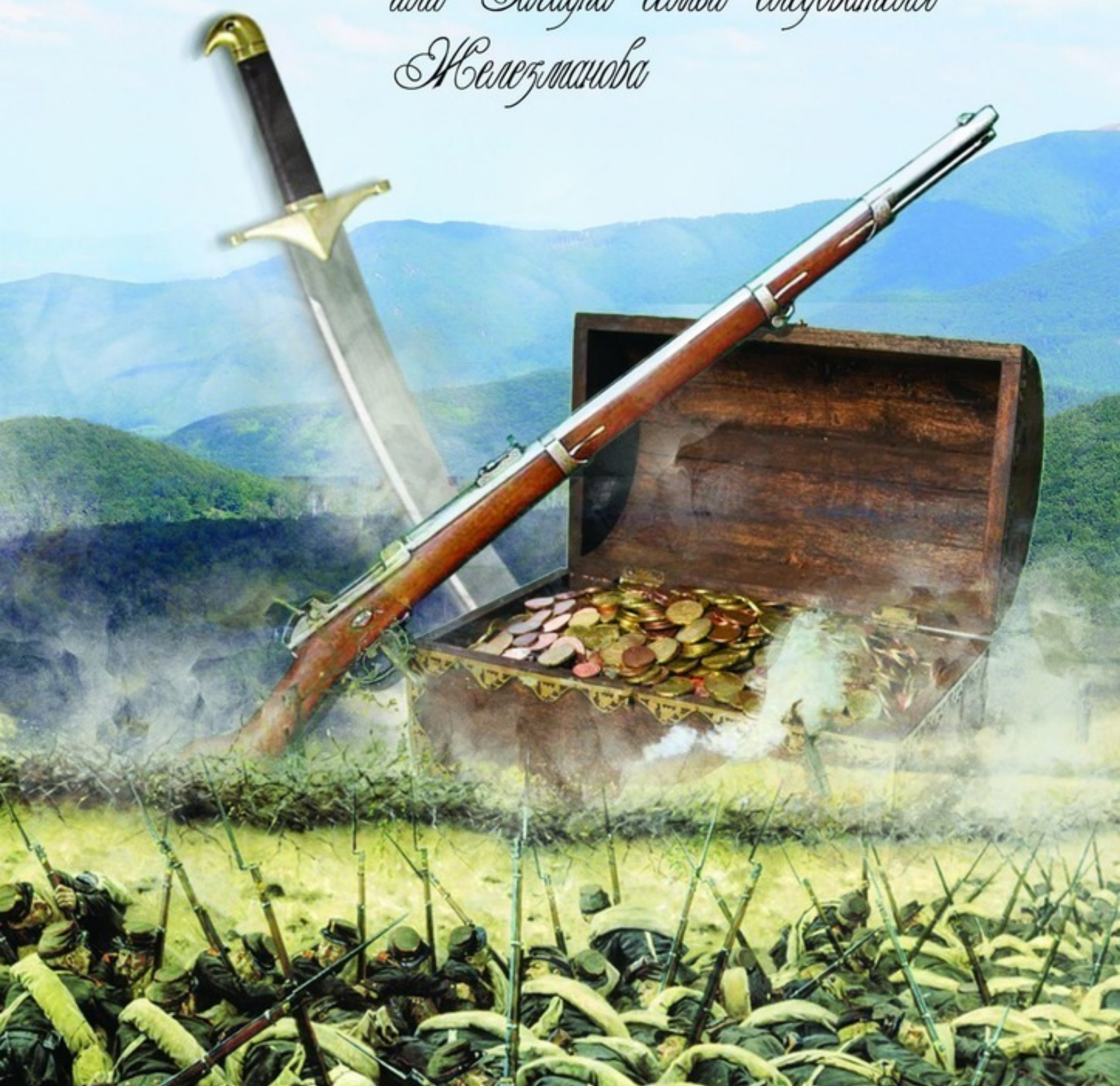

Анна Попова

ТАЙНА ШИПКИ,

*или Загадка семьи следователя
Железничова*

Анна Попова

**Тайна Шипки, или Загадка
семьи следователя Железманова**

«Издательские решения»

Попова А.

Тайна Шипки, или Загадка семьи следователя Железманова /
А. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552164-4

События романа происходят в начале XX века в российской провинции. Следователь Рязанского окружного суда Петр Железманов никак не мог ожидать, что в орбите расследования дела о серии отравлений в поездах окажется он сам и история его семьи. Эхо далекой русско-турецкой войны на Шипке неожиданно ворвалось в его жизнь и жизнь его друга Ивана Зазнаева, обнажая семейные тайны и ставя под угрозу благополучие друзей и близких.

ISBN 978-5-00-552164-4

© Попова А.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Тайна Шипки, или Загадка семьи следователя Железманова

Анна Попова

Дизайнер обложки Григорий Виноградов

© Анна Попова, 2021

© Григорий Виноградов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-2164-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Холодный резкий ветер, казалось, дул со всех сторон, нахально забираясь под одежду, норовя сорвать головные уборы. Порывы ветра несли мелкую снежную крошку. Кругом снег. При этом чувствуется большая влажность, что делает ощущение холода еще острее. Разве это Болгария – теплая и солнечная, где ласковые солнечные лучи греют кожу, любовно взращивают виноград для живительного вина, а море заманчиво шелестит прибоем, призывая окунуться в воду, такую теплую, словно ее нагрели на печке? И все-таки это Болгария. Только не морской берег да еще летом, а горы. Шипкинский перевал. Пусть не самые высокие горы в мире, но все-таки это горы. И время года – конец октября. Октября 1877 года.

Уже несколько месяцев российская армия ведет бои на Балканах, помогая братьям-славянам освободиться от гнета Османской империи. Выполнение этого первого в истории нашей страны интернационального долга требует больших усилий от воинов российской армии. В горах воевать тяжело, а зимой особенно. На противника работает и горный ландшафт, и сильный ветер, холод. Потери большими и обмороженными чуть ли не столько же, сколько раненых и убитых в бою.

Этот октябрьский день был мрачным и тягостным, какими обычно бывают все последние дни октября. Это не могло не сказываться на настроении двух собеседников, которые жались к скале, надеясь получить убежище от очередного порыва воздушных масс. Внешний вид этих фигур был странный: форменные шинели, принятые в пехотных частях российской армии, стояли колом, головы замотаны башлыками, а на ногах вообще было что-то невообразимое: шкуры животных, намотанные на форменные сапоги. Увы, русская армия, пересекая летом 1877 года Дунай, мало рассчитывала воевать в условиях, сходных с зимними сибирскими морозами. Главный атрибут зимнего обмундирования – валенки и полушубки – так и не дошли до Балкан. Поэтому пришлось позабыть о такой неотъемлемой части воинской дисциплины, как форма одежды, и проявлять хитрость и смекалку, утепляясь чем можно. В ход шли даже мешки из-под сухарей: ими обматывали ногу, обутую в форменный сапог, а уже сверху пристраивали шкуры животных. Выглядело ужасно, на парад перед Зимним так выйти немислимо, но именно это спасало ноги от обморожения.

Фигуры, которые жались к скалам – это два молодых офицера 4-й стрелковой бригады: поручик Андрей Петрович Железманов и его друг подпоручик Антон Федорович Томилов. Они на Шипке уже несколько месяцев. Им довелось участвовать в знаменитом прорыве бригады Радецкого¹ 11 августа. Положение защитников Шипкинского перевала на тот момент

¹ Федор Федорович Радецкий – военный инженер и военачальник, настолько ярко зарекомендовал себя во время обороны Шипкинского перевала, что в Габрово одна из центральных улиц названа его именем и на ней установлен бюст российскому военачальнику.

было более чем критическое: потери в живой силе колоссальные, патроны на исходе. Российские солдаты и болгарские ополченцы, крепко сплотив свои ряды, были готовы стоять насмерть, кидая во врага все, что было под рукой – крупные камни и даже тела погибших товарищей. Неумолимо приближался последний аккорд этой трагедии в виде рукопашной схватки. Не дай Бог видеть рукопашный бой, в котором русский солдат, умело орудуя штыком, не щадит ни врага, ни себя. А уж особенно не дай Бог оказаться действующим лицом этого жуткого представления: выжить тут суждено не многим. Но русские солдаты и ополченцы были готовы к этой страшной минуте, которая, скорее всего, была бы для них последней. Однако именно в этот момент пришло подкрепление: словно в волшебном видении из тумана показались кони, несшие на себе по два, а то и три всадника. Это были солдаты 4-го стрелкового корпуса Радецкого, прозванные за непоколебимый воинский дух Стальной бригадой. Генерал Радецкий со своими подчиненными был направлен на выручку защитников Шипкинского перевала, который закрывал дорогу на стратегически значимый объект – Плевну. Но к концу марша даже воины Стальной бригады были так измотаны, что едва могли идти. Тогда Радецкому пришлось в голову посадить своих стрелков на лошадей и завершить прорыв на них. По двое, а то и по трое (для малорослых) солдаты проскакали последние версты и обрушились как гром среди ясного неба на головы противника, готовившегося праздновать победу. Вместе на одной лошади скакали, а потом плечом к плечу рубили противника два друга, бойцы 2-й роты 16-шл батальона – поручик Железманов и подпоручик Томилов. В какой-то момент ятаган турка стремительно полетел в сторону виска Железманова, но его друг сумел перехватить намечающийся удар, грозное оружие соскочило и чиркнуло по плечу подпоручика. Раненого Томилова, как и других пострадавших на поле боя, приняли на излечение жители болгарских деревень, и уже через две недели Антон Федорович был опять на боевых позициях, рядом со своим другом, с которым почти не расставался. Вот и сейчас он делился с другом самым сокровенным:

– Тревожно мне, очень даже тревожно, – говорил он, поглядывая через плечо на заснеженные горы.

– Я понимаю тебя, но ты обязательно справишься, ты не первый раз идешь в разведку, ловкости и хитрости тебе не занимать, ты обязательно вернешься, – успокаивал его Андрей Петрович. – Неужели ты думаешь, что ты не ловчее этих турок? У них государство вот-вот развалится.

– Ну не скажи, воевать они умеют, вон как мы крепко тут засели, а летом казалось, что все раз-два и закончим, освободим братьев-болгар.

– Освободим, обязательно освободим, вот увидишь, и завтра все гладко пройдет.

– Хотелось бы надеяться, – голос Томилова звучал неуверенно.

– Слушай, я тебя не узнаю, ты никогда ничего не боялся, всегда был такой смелый и решительный, меня спас от верной гибели.

– Во-первых, мне раньше нечего было терять, я сейчас есть что, – молодой человек многозначительно замолчал, но собеседник понял его и так, правда, только отчасти.

– А что «во-вторых»?

– Не понял?

– Ты сейчас только что сказал «во-первых». Значит есть и «во-вторых»?

– Да есть, – Томилов кивнул головой, но продолжать не спешил. Железманов настаивал:

– И что же это? Почему ты не хочешь говорить?

– Понимаешь, мне самому не хочется в это верить, но мне кажется, что... – подпоручик опять замолчал, так и не решаясь произнести вслух то, что крутилось у него в голове и терзало душу. Уж больно неприятной была мысль, но его друг продолжал смотреть вопрошающе, уклониться от прямого ответа было трудно. Поэтому пришлось выдавить из себя:

– Мне кажется, что в отряде предатель.

– Почему, почему ты так решил? – изумился Железманов.

– Ты сам посуди. В последнее время все разведывательные группы, которые отправляются для сбора информации, попадают в засаду. Ты помнишь, как неделю назад в разведку пошел разъезд под командованием Облакова?

– Помню, они нарвались на отряд турок, ему одному удалось спастись.

– Да, это так. Так вот Облаков говорил, что их словно ждали.

– Ты же сам сейчас говорил, что турки воевать не разучились, наверное, тоже патрулируют линию фронта.

– Все равно не нравится мне это все, слишком много странностей. Чую, не вернусь я.

– Вернешься, я буду молиться за тебя самой горячей молитвой, чтобы господь защитил тебя.

– Молись, горячо молись, – устало произнес Томилов, а потом полез за пазуху, доставая какой-то конверт.

– Но у меня кроме молитвы будет и еще одна просьба, поклянись, что выполнишь!

– Обязательно. Клянусь! – в искренности клятвы поручика Железманова можно было не сомневаться.

– Вот тут бумаги, передай их Ване.

– Хорошо, передам, можешь не сомневаться.

– Обязательно передай, ведь тут идти не так далеко, можно за день обратиться. Попроси командира, он отпустит. Это очень важные бумаги, пойми, от них зависит наше будущее, в том числе и материальное благополучие, я очень боюсь, что без этих бумаг Ване, если я не вернусь, будет негде жить, нечего есть.

– Ты вернешься, обязательно вернешься! – горячо начал Железманов.

– Пообещай! – в глазах Томилова было столько тоски и мольбы одновременно, что Андрей Петрович просто не мог не пообещать:

– Не волнуйся, передам, слово друга и офицера.

С лица подпоручика немного сошло напряженное и испуганное выражение. Губы изобразили подобие улыбки.

– Тогда я спокоен, пойду послезавтра на задание со спокойным сердцем, – выдохнул молодой человек.

– Только спрячь их как следует, – через секунду всполошился он опять.

– Обязательно! – пообещал его друг.

– Нет, ты как следует спрячь, чтобы не потерять, чтобы мыши и вода не повредили! – настаивал молодой офицер. Его товарищ опять клялся сделать все необходимое. На этом тяжелый и странный разговор закончился.

Увы, тяжелые мысли посещали подпоручика Томилова не зря. Через день рано утром молодой офицер повел небольшую группу в разведку, и она тоже нарвалась на засаду. Тела порубленных бойцов были обнаружены на следующий день в ущелье. Не смогли найти только тело офицера Антона Федоровича Томилова, что было особенно странно: в этой войне турки пленных не брали! После этой неудачи мысль о возможном предателе логично пришла в голову уже многим, однако под подозрение в первую очередь попадал сам подпоручик Томилов: следующая вылазка в тыл врага уже была удачной, а вскоре и закончилось знаменитое Шипкинское сидение и враг был отброшен. Поэтому в роте многие терзались сомнениями, а уж не перешел ли на сторону врага их боевой товарищ Томилов?

* * *

Рязань, начало февраля 1910 г.

В морозной ночи пыхтящий паровоз походил на большого неведомого зверя, который слегка задремал, но в любой момент может проснуться и всему миру показать свою силу. Добрую или злую? Этого никто не знает, но следователь Зазнаев, после того как ему пришлось расследовать дела по факту гибели людей под колесами поезда, был склонен ассоциировать паровозы с существами, с которыми вести себя надо ой как осторожно. Однако чуть свет (пять утра в феврале – это скорее ночь, чем утро) на вокзал его вызвали не из-за того, что человек и железная машина не смогли поделить дорогу. Впрочем, возможно его вызвали среди ночи на вокзал вообще зря.

– Понимаете, проводник говорит, что он час назад был абсолютно здоров, ничего, как говорится, не предвещало, – объяснял Ивану Васильевичу человек в форменной шинели и фуражке железнодорожного ведомства.

– Так, давайте с самого начала. Вы начальник поезда №10 Москва – Казань?

– Да, Африков Савелий Петрович.

– Вы обнаружили в купе вагона первого класса мертвого пассажира?

– Да, точнее не совсем я, точнее не я, – путано продолжал Африков.

– Труп, я так понимаю, обнаружил проводник? – подсказал следователь.

– Да, мы подходили к Рязани, когда ко мне подошел проводник вагона первого класса и доложил, что один из пассажиров мертв. По прибытии я тут же сообщил об этом начальнику вокзала, мы вместе решили задержать поезд и вызвать вас.

– То есть вы считаете, что смерть вашего пассажира имеет криминальный характер?

– Ну, не знаю, – замаялся начальник поезда, – просто странно это, совсем недавно был здоров, а тут нате, лежит неживой.

– Ладно, давайте посмотрим, тем более и полицейский врач подъехал, – Зазнаев заметил знакомую фигуру, которая приближалась к ним по перрону. После обмена приветствиями мужчины двинулись к вагону.

– А где проводник, обнаруживший труп? – спросил следователь по дороге.

– Там, где ему и положено быть – в вагоне.

Это было логично: проводнику надлежало быть в вагоне, ведь умер только один пассажир, а не все, а вдруг кто из живых попросит чаю или еще чего пожелает?

«Возможно, и нет никакого криминала, просто Господь решил к себе призвать человека почему-то именно в тот момент, когда он путешествовал по нашим бескрайним просторам, сердечко там не выдержало, или кровоизлияние в мозг произошло», – думал Иван Васильевич по пути к вагону. К его следовательскому счастью, не все трупы, на которые его вызывали, отошли в мир иной по чьей-то злой воле, были и несчастные случаи, и неожиданные смерти. Жизнь его научила взирать на все спокойно: если криминал – будем расследовать, нет – пожелаем проводникам счастливого пути и поедем спать дальше, даже ночной подъем понапрасну не вызовет раздражение – на то он сюда и поставлен, чтобы отделять преступление от всего другого.

Проводник вагона 1-го класса встретил их в тамбуре, по его бледному виду было видно, что он испуган. Впрочем, его можно понять, смерть и в современные дни научного прогресса вызывает суеверный страх. Поэтому, увидев начальника поезда и двух незнакомых мужчин, проводник вздохнул с облегчением: не один он теперь с этим происшествием.

– Показывай, где труп, – распорядился начальник поезда.

Проводник повел визитеров к купе в середине вагона. Первым вошел полицейский врач. Мертвец сидел на сиденье у окна, откинувшись назад, глаза были широко открыты и смотрели вверх.

– Вы его обнаружили в этом положении? – спросил проводника врач.

– Нет, он сидел, прислонившись к окну.

– Зачем вы его трогали?

– Так я не понял, что он того, ну, в смысле, мертвый, думал, спит, стал тормозить, потом понял только, что к чему.

– А где его попутчик?

– Так он один ехал, у нас сегодня полвагона пустые.

Врач приступил к осмотру: пощупал на всякий случай пульс на шее, потом развязал галстук, расстегнул сюртук и сорочку.

– Любезный, ну-ка подсоби, надо снять с него сюртук, – обратился медик к проводнику, тот было рыпнулся уйти, но под строгим взором своего начальника был вынужден взяться за край рукава. Потом сняли сорочку. Врач осмотрел спину, затем положил тело на полку и стал пальпировать живот, ощупывать ребра. Нигде не было видно ни ран, ни следов крови, ни кровоподтеков, кости тоже вроде были целы, о чем было сообщено следователю.

– А давно он мертв?

– Думаю, около полутора часов.

– Сколько прошло от момента обнаружения? – вопрос следователя был адресован к начальнику поезда, но тот переадресовал вопрос проводнику:

– Скажи точно, когда труп обнаружил?

– Так минут за пятнадцать до прибытия в Рязань. У него билет только до этой станции, вот я пошел к нему в купе предупредить, чтобы к выходу готовился, а то некоторые так разоспятся, что, пока добудишься, уже звонок к отправлению, хоть на ходу прыгай.

– Значит, пятнадцать минут, пока подъезжали к Рязани, и плюс сколько нас ждали?

– 40 минут, ваше благородие.

– То есть примерно 55 минут, значит, он ушел в мир иной за 30 минут до прихода в Рязань. Что в это время проезжали? Какие станции есть?

– Никак нет, станцию «Вожа»² чуть ранее проехали, но там остановки нет.

– Понятно, доктор, есть ли предположения, от чего он скончался?

– Как я уже сказал, ран и следов кровотечения нет, цвет кожи тоже нормальный, когда умирают от кровоизлияния, обычно лицо бывает багровым.

– То есть смерть носит естественный характер?

– Возможно, но точно я могу сказать только после вскрытия.

Однако следователь все равно был обязан осмотреть тело: даже если смерть некриминальная, то необходимо установить личность умершего, чтобы передать тело родственникам. Зазнаев уже занялся этой работой. Он разложил сюртук на пустой полке и стал проверять содержимое карманов. А вот тут уже становилось интересно: карманы были пусты! Ни бумажника, ни часов, ни документов. Конечно, чисто теоретически можно было предположить, что их и не было. Это сейчас, чтобы сесть в поезд, надо предъявить не только билет, но и паспорт, впрочем для тех, кто с Интернетом на «ты», даже билет можно не предъявлять, а паспорт обязательно. А вначале XX века было наоборот: без билета в поезд не пустят, а про паспорт не спрашивали. Однако и билета не было! Да и трудно себе представить, что прилично одетый мужчина (сюртук и сорочка явны не из дешевых магазинов) путешествует в вагоне 1-го класса без обычного набора предметов, которые есть у каждого солидного господина в карманах: портмоне, часов, носового платка. Хотя нет, носовой платок был. Причем явно из дорогого полотна. А вот всего остального не было. Ни одной монетки в кармане, ни одной купюры. Не мог же этот господин выйти из поезда и пойти пешком к месту назначения, особенно если учесть, что дело было зимой и ночью. Это сейчас взор приезжего, выходящего из здания рязанского вокзала, упирается в элитные высотные дома, а тогда вокруг вокзала были только дешевые избы Троицкой слободы. Такие господа тут не живут, а живут они в центре, куда сподручнее ехать на извозчике (с машинами в провинциальной Рязани негусто). Может умершего

² Станция «Вожа» – современное название этой станции «Рыбное».

должны были встречать? Но тогда бы они обязательно дали о себе знать. Естественно, было о чем спросить проводника:

– Проводник, а вы не видели, он с вещами заходил?

– А как же с вещами, как же без вещей-то путешествовать? Были вещи, – кивнул тот головой, видимо в глубине души не чая, когда от него отстанут.

– А что именно было, не припомните?

– Припомню, как не припомнить. Чемоданчик у него был.

– Чемоданчик? Один?

– Да, один.

– А размеры разглядел?

– Разглядел. Вот такой, – проводник сделал жест руками, обозначающий объем чемодана.

Выходило что-то типа походного саквояжа, похожего на тот, с которыми хотят к своим пациентам врачи. Не было в вагоне чемоданчика. Отсутствие вещей уже наводило на нехорошие размышления.

Проводник понял мысль следователя и, видимо, движимый опасением, что могут подумать на него, выдал совершенно неожиданную версию:

– Может, под стол завалился или там под полку?

Сама идея, что пассажир неожиданно вынул вещи из карманов, зачем-то спрятал их под полку, а затем скоропостижно умер, казалась абсурдной, но, тем не менее, сподвигла внимательно осмотреть пол, в том числе и под полками. Естественно, денег и часов не нашли. Единственной добычей был небольшой скомканный кусочек ткани, который валялся под полкой и при ближайшем рассмотрении оказался мятым носовым платком. Вряд ли он принадлежал погибшему. Во-первых, у того платок обнаружили, а редкий мужчина будет носить два платка сразу. Во-вторых, найденный платок был явно изготовлен из более простой ткани, чем его собрат, лежащий в кармане умершего.

– Это случайно не ты потерял? – обратился Зазнаев к проводнику. Тот испуганно замахал руками:

– Нет, как можно, я всегда за чистотой слежу, никогда никаких нареканий не было.

– То есть у тебя он выпать не мог?

– Нет, не мог, да вот мой, – мужчина полез в карман и вытащил свой носовой платок.

Опять же, исходя из версии, что по два платка здоровый человек вряд ли будет носить (а признаков насморка у служителя железной дороги явно не наблюдалось), можно было поверить горячим заверениям, что платок явно чужой.

– Ты перед рейсом купе проверял?

– Проверял, вот вам крест.

– Не было платка?

– Не было.

– А сегодня кто-то покидал это купе?

– Так никто не покидал. Мы в Москве сели, и до Рязани никто не выходил. Так у нас и остановок не было никаких, только в Коломне, но тогда никто не выходил.

– А после того, как остановились в Коломне, вы в это купе заходили?

– Заходил, предлагал чаю.

– И что? Он живой был.

– Живой, здоровый, говорил так же, как мы сейчас разговариваем.

– Принесли ему чаю?

– Нет, он сказал, что не хочет, что пойдет в вагон-ресторан.

– А как он вернулся из вагона-ресторана, ты не видел?

– Нет, не видел, я его после этого не видел вообще.

– Ладно, кажется последний вопрос: когда он в поезд садился, его кто-нибудь провожал?

– Нет, никто.

– А вообще, как он выглядел, когда в поезд садился или когда ты чаю предлал? Может грустный был или за грудь хватался, может жаловался на что? – неожиданно включился в допрос медик.

– Да, нет, не было ничего такого, не жаловался он ни на что, даже улыбался, – развел руками проводник.

– Не говорил о себе, куда едет, зачем?

– Да нам пассажиры обычно не докладывают, кто и куда едет, с нами почти не разговаривают, только и слышишь: «Любезный, сделай чаю», хорошо если любезным назовут, – начал терять терпение проводник. Кажется, этот колодец информации вычерпан до дна.

– Нельзя пригласить официантов из вагона-ресторана? – попросил Зазнаев начальника поезда.

– Вы будете допрашивать и их?

– Обязательно.

– Боже, когда же мы поедим? Мы и так уже опаздываем почти на час! Пассажиры будут недовольны!

Поезд, следовавший в Казань, прибывал на рязанский вокзал в 5 часов 38 минут и стоял 50 минут, однако это время давно истекло и поезд уже задерживался, что по тем временам считалось недопустимым.

– Мне жаль, но пока я не допрошу всех, кого считаю нужным, поезд будет стоять, – отрезал следователь. – Смерть человека достаточно уважительная причина для опоздания, полюбому у всех пассажиров есть одно большое преимущество, они живы, а этот господин уже нет, – следователю не было дел до эмоций клиентов железной дороги. В конце концов, он выполняет свой долг.

Африков, бурча, удалился, врач занялся хлопотами по эвакуации тела: пошел требовать от начальника вокзала людей с носилками. Скоро появился официант, видимо начальник поезда уже успел сказать ему пару пугающих фраз («Уж не ты ли отравы подсыпал пассажиру?»), поэтому паренек испуганно хлопал глазами.

– Ты этого господина обслуживал?

– Я-с. Они довольные остались всем.

Это было сказано скорее не для следователя, а для начальника, не дай Бог скажут, что пассажир скончался от дурного обслуживания.

– «Они» в каком смысле? В смысле этот господин или он был с кем-то? – уточнил Зазнаев. Вот уж этот загадочный русский язык начала XX столетия! «Они» могли обозначать как множественное число, так и одну-единственную персону, стоящую по социальной лестнице выше.

– Этот господин, но и другие тоже были довольны, – бодро отрапортовал официант, внося еще большую путаницу.

– То есть он был не один? – вкрадчивым голосом уточнил Иван Васильевич, словно боясь спугнуть удачу.

– Вначале был один, заказал котлету с соусом, потом к нему другой подсел, а потом и третий.

– Точно их было трое?

– Точно, они еще водки заказали, я как раз на поднос три рюмки поставил.

– А о чем они говорили, ты часом не слышал?

– Нам подслушивать не велено, не наше это дело знать, о чем господа говорят, – резонно ответил официант.

– Ну когда тарелки подносил, закуски и рюмки на стол ставил, может кто-то из них что-то обронил?

– Да нет, они разговор в этот момент прекращали, только сказал из них кто-то вроде: «Вот и водочка, что еще по морозцу надо!»

Тоже ничего особого, если смолкают при приближении официанта – это не значит, что секреты скрывают, просто внимание автоматически переключается на принесенные яства.

– Ну, ладно, а тех, которые к этому пассажиру подсели, ты хорошо разглядел? Они как, вместе подсаживались или один за другим?

– Нет, не вместе, мне показалось, что они вообще только за столом и познакомились.

– Почему? Ты же не слышал, о чем они говорили?

– Слышать не слышал, но видеть видел. Они руки пожимали, говорили так, как обычно представляются, ну словом видно это было.

– Хорошо, если ты такой внимательный, то опиши их. Как они выглядели? Возраст? Цвет волос? Одеты во что?

Официант поднял глаза к потолку, словно надеясь там увидеть своих недавних клиентов, и стал припоминать:

– Вначале сел тот, который слегка помоложе.

– То есть он молодой?

– Да нет, не очень, я думаю, ему лет 50 уж точно есть, волосы у него с проседью, просто второй, который к ним подсел позже, был еще старше, ему уж наверное лет 60 точно стукнуло, седой весь.

– А росту они какого? Худые, толстые?

– Тот, который помоложе, он не очень высокий, ниже вас будет, это точно, не то что толстый, но и не худой, крепкий такой, а вот тот, что постарше, он и высокий, и в плечах широкий.

– А одет как?

– Хорошо одеты, и вообще видно, что все состоятельные они, чаевые дали неплохие.

– А ты не заметил, они как: собирались выходить или спать ложиться? – вдруг можно найти этих попутчиков и допросить?

– Нет, они все трое выходить в Рязани собирались.

– Почему ты так решил?

– Они когда заказ делали, то приказали мне, чтобы я быстро принес, а даже один сказал: «А то нам в Рязани выходить, ты водку принесешь, а тут как раз платформа».

– Так и сказал?

– Ага. Ой, вспомнил: еще один афишку оставил, он ее вот этому (кивок в сторону мертвого тела) дал, а тот на столе забыл.

– Ты ее выбросил?

– Отложил в сторону, но выбросить не успел.

– Пулей в ресторан и неси эту бумажку, – распорядился следователь.

В этот момент появились служащие железной дороги с носилками: надо забрать тело. Зазнаев вышел в коридор, чтобы не мешать делать печальное дело, попутно давая указания врачу по поводу вскрытия тела и проведения необходимых экспертиз. В его голове крутилось одно предположение, но проверить его мог только медик, поэтому Зазнаев спешил отдать нужные указания. Через пару минут прибежал запыхавшийся официант, неся в руках скомканную и подмокшую бумажку. Это была небольшая афишка, такие обычно раздают на улице прохожим, чтобы завлечь покупателей. На листочке был помещен занятный рисунок: аист держал в клюве младенца. Птица, которой народная молва отвела ответственность за рождаемость, стояла перед детской коляской на больших металлических колесах. Эта была рекламка магазина, предлагавшем покупателям металлические кровати и решетки. В другом углу листочка была изображена металлическая кровать с ажурными спинками. Текст гласил: «Имеются в большом выборе металлические кровати от 2 рублей 75 копеек, никелированные

от 12 рублей, с гигиеническими сетками от 11 рублей. Принимаются заказы на ограды, решетки по весьма умеренным ценам». Также был указан адрес магазина-мастерской: ул. Мясницкая, д. 12. Первая зацепка в этой непростой истории. Все, что можно и нужно, в поезде было сделано, тело направлено в морг, а поезд с пассажирами, большинство которых даже не догадывались о трагедии и мирно спали, мог следовать далее, пытаясь нагнать упущенное время.

На следующий день Иван Васильевич доложил прокурору о ночном происшествии.

– Я правильно понял, что следов насилия не обнаружено? – спросил тот у следователя.

– При внешнем осмотре нет.

– Однако у вас все равно есть подозрения, что труп криминальный?

– Не могли же вещи просто так испариться?

– Что, совсем ничего не обнаружено?

– Только носовой платок в кармане, мне трудно представить, что хорошо одетый мужчина мог отправиться в путешествие без вещей, портмоне и документов, тем более что в вагоне-ресторане он расплачивался и бумажник официант у него видел, окончательно ситуацию должны прояснить медики, все необходимые указания я дал, – развел руками Иван Васильевич.

– А нельзя исключить, что этот пассажир умер от сердечного приступа, а потом злоумышленник воспользовался этим и присвоил себе вещи умершего? – проговорил прокурор.

– Конечно, этого исключать нельзя, – согласился Зазнаев, однако голос его звучал неуверенно.

– Хорошо, когда будут результаты вскрытия, доложите и будем думать дальше.

К врачу Зазнаев поехал только к концу рабочего дня. Все равно вряд ли врач сделает все раньше. И в этом он был прав. Когда следователь переступил порог морга, врач едва закончил свою работу.

– Что скажите? – вопрос следователя не отличался оригинальностью.

– Боюсь, что ничего особо конкретного у меня нет. Как я уже говорил, никаких внешних следов повреждений у покойного не имеется, внутренние органы все тоже в порядке, кости все целы, кровоизлияний нет, сердце в норме, легкие тоже.

– Отчего он тогда умер? Вот просто так взял и уснул?

– Возможно. Вот смотрите, платок, который мы нашли вчера, – врач расправил на столе вчерашнюю находку. Вчера следователь отдал его медику.

– Вы просили провести исследование, нет ли следов какого-либо вещества на ткани, – напомнил медик о вчерашнем разговоре, Зазнаев кивнул головой.

– Так вот, на первый взгляд ничего не заметно, но попробуйте посмотреть этот платок на свет, – врач натянул руками полотно и поднес находку к лампе, тут становились видны едва различимые разводы, на ткани явно была налита какая-то жидкость.

– То есть это и в самом деле мог быть... – медленно выговорил Зазнаев, так и не решаясь сказать самое главное слово.

– Хлороформ, все очень просто: побрызгали на платочек немного жидкости, поднесли к носу, и все, пострадавший уснул, к сожалению навсегда. Он ведь выпимши был, а алкоголь усилил действие препарата, – закончил за него врач.

– К сожалению, мы пока не можем выделить эту жидкость с ткани и сказать однозначно, что за вещество на него попало, – разочаровал следователя медик. – Поэтому все, что я вам сказал, – только предположение.

– А можно говорить о том, что смерть наступила от передозировки хлороформа?

– Понимаете, передозировка хлороформа не дает какую-то яркую картину, это вещество не оставляет явных следов в организме. Оно не вызывает кровоизлияний в организме или отека.

Догадка, которая посетила следователя, да и прокурора тоже, подтверждалась. Неслучайно оба так обговаривали возможные варианты судьбы вещей. Не проговаривая пока это вслух, оба имели в виду циркуляр Министерства юстиции, который информировал следственные органы об одной серии серьезных преступлений. Уже почти год в Российской империи отмечается серия однотипных преступлений: в поездах находят мертвых хорошо одетых господ без признаков насильственной смерти, но и без вещей. Вначале их не связывали между собой. Первоначально даже было неясно, что это криминал. Потом, когда попутчиком умершего оказался практикующий хирург и его позвали для оказания первой медицинской помощи, он дал ценные показания: в купе стоит едва уловимый запах хлороформа – препарата, используемый для наркоза во время операций.

– Только если переборщить с дозой, наркоз может быть смертельным, – пояснил ценный свидетель. Дальше он начал было читать лекцию по медицине, объясняя, какое опасное дело наркоз, как аккуратно надо его давать, чтобы операция не закончилась смертью, как контролируется состояние больного во время наркоза и операции. Следователь отсеял главное – имело место преступление и совершено оно посредством отравления лекарственным средством. Потом он совершенно случайно, находясь у родственников в другой губернии, пообщался со своим коллегой, и тот вспомнил, что его вызывали на подобный эпизод. Оба следователя были энтузиастами своего дела, они составили соответствующее донесение в Министерство юстиции с настойчивой просьбой опросить всех следователей Российской империи на предмет подобных случаев. Не сразу, но идея получила жизнь, и в результате многомесячной переписки было установлено, что в стране действует отравитель, который знакомится с богатыми господами в вагонах-ресторанах поездов дальнего следования и травит их хлороформом, обчищая карманы. В ноябре месяце 1909 года все следователи получили циркуляр Министерства юстиции с соответствующей информацией. Именно про этот циркуляр вспомнил Зазнаев, когда осматривал труп, и с этой целью попросил врача исследовать платок. И именно на эту серию намекал прокурор, расспрашивая подчиненного об осмотре места происшествия.

Иван Васильевич эти намеки понял, но пока оба выводы не делали до заключения медиков. А теперь оснований для этого явно прибавилось. И хотя приметы были более чем косвенные: отсутствие вещей, платок со следами непонятной жидкости, скоропостижная смерть, череда похожих смертей, все это в совокупности заставляло следователя по особо важным делам Зазнаева сделать только один вывод: в поезде произошло преступление и ему надо браться за его расследование, о чем и было доложено прокурору окружного суда. Тот немного посетовал, что надежды не оказаться в русле расследования запутанного дела не оправдались, но затем философски заметил, что не было бы этого дела, подвалило бы другое, и пожелал успеха в расследовании.

– С чего думаете начать?

– С рекламной афишки, установлю попутчика, может что и поведаст интересного.

Это была вполне реальная ниточка, которой не было у других следователей: очевидец. Потерпевший познакомился со своим палачом в вагоне-ресторане. Другие пострадавшие, по показаниям очевидцев, тоже посещали вагон-ресторан, скорее всего именно там преступник намечал жертву, втирался к ней в доверие и предлагал пройти в купе, где потом, улучив момент, травил жертву хлороформом и забирал все вещи. А тут неожиданно подсел третий, возможно именно за тем, чтобы прорекламить свой магазин, дать рекламу. В том, что третий пассажир был не преступник, Зазнаев был уверен: иначе зачем раздавать рекламные листовки? Если, конечно, это не было элементом более сложного сценария. Но это нетрудно выяснить – надо только поехать на Мясницкую и найти этот магазин, с хозяином поговорить.

Искомая торговая точка была у моста через Лыбедь, а пахнувшая краской вывеска говорила, что магазин появился совсем недавно. В витрине была выставлена именно та самая

коляска, в которую на афишке аист собирался положить младенца. Рядом крутился рабочий, протирая металлические спицы на колесах коляски, чтобы они блестели.

«И в самом деле, если магазин только открылся, есть смысл афишки раздавать», – подумалось Ивану. Он зашел в магазин и невольно задержался у витрины, любуясь детским экипажем. Совсем скоро ему также нужна будет подобная вещь – его жена Ольга ждала ребенка. И перед ним невольно возникла картинка, как они с Ольгой укладывают их малыша в эту коляску.

В этот момент из глубины магазина в торговый зал прошел мужчина, фигура которого показалась знакомой. Пару секунд у следователя ушло, чтобы осознать, что именно показалось знакомым: высокий рост, широкоплечая фигура, седая голова, возраст – все безупречно подходило под приметы второго попутчика.

– День добрый! – поздоровался Зазнаев.

– Добрый, – улыбнулся хозяин магазина. – Товаром нашим интересуетесь? Произошло прибавление в семействе? Очень рад за вас. Обслужим в лучшем виде. Николай, что спишь? Ну-ка быстро иди сюда, покупатель пришел, помоги ему, а то я опаздываю уже, – крикнул он приказчику.

– Да я не товаром интересуюсь, мне бы с вами переговорить, ведь вы вчера приехали из Москвы казанским поездом в пять утра?

– Да, – удивленно вскинул брови мужчина. – А вы откуда знаете?

– Это моя профессия. Позвольте представиться: следователь окружного суда по особо важным делам Зазнаев Иван Васильевич. Мне нужно поговорить с вами.

– Не знаю, чем могу быть полезным, но сейчас я очень спешу, приходите завтра, – хозяин магазина сделал попытку обойти незваного визитера, но Зазнаев решительно сделал шаг в сторону, преграждая путь.

– Вы не поняли, я следователь, мне надо срочно поговорить с вами, это не личная прихоть, а служебный долг.

– И все-таки мне очень некогда, у меня назначена встреча, поэтому не обессудьте.

– Вы не поняли, это очень срочно, – попытался еще раз наладить контакт Иван Васильевич.

Но потенциальный свидетель был абсолютно непробиваем по отношению к гражданскому долгу:

– Нет, никак не могу, если уж так срочно, приходите ко мне вечером, часиков в шесть домой, я на Нижненикольской живу, в доме напротив церкви. Там и поговорим.

Больше ничего добиться следователь не смог, счастливый обладатель магазина-мастерской выскочил на улицу, махнул рукой, жестом подозвал извозчика, вскочил в коляску и умчался. Осталось только уточнить у рабочего имя и фамилию хозяина магазина: Ачув Кирилл Петрович, купец 2-й гильдии.

Зазнаев еще немного полюбовался детской коляской, прикинул ее стоимость в свете предстоящих трат и пошел обратно в суд, где его ждала новость. Ее принес сотрудник сыскного отделения Егор Иванович Анисимов. Рядом с ним стояла прилично одетая дама с заплаканным лицом.

– Здравствуйте, Егор Иванович. С чем пожаловали? – поздоровался следователь.

– Вот привел к вам эту даму. Госпожа обратилась сегодня в полицию. Горе у нее.

– Что случилось?

– Муж у нее из Москвы не вернулся, вчера должен был ночным поездом приехать, и вот не приехал, а вас вчера вроде как на вокзал вызывали.

В принципе именно этого Иван Васильевич и ожидал: родственники потерпевшего, не дождавшись возвращения мужа, брата, отца, сами обратятся в полицию. Работа по заявлениям о пропавших чаще всего являлась самой прямой дорогой к установлению личности

трупов, которые обнаружены без документов. Так получилось и сейчас: ответы на несколько вопросов о внешности пропавшего мужа, его одежде уже позволяли предположить, что в морге сегодня утром вскрывали именно его. Печальная процедура опознания подтвердила это. Беседа с вдовой, к сожалению, особо не обогатила следствие информацией. Выяснилось, что погибшего звали Сергей Федорович Водорезов, он являлся владельцем переплетной и картонно-коробочной мастерской на Соборной улице, дававшая небольшой, но стабильный доход, а недавно получил наследство: умер старший брат и оставил имение. Водорезов сразу начал жить на широкую ногу.

– Муж имение продал, гардероб обновил, сказал, что закупит оборудование и откроет сеть ватноделательных фабрик, вот для этого и в Москву ездил, – всхлипывала женщина. – Говорил, что заживем с размахом, в Ниццу собирался летом ехать отдыхать.

«Возможно, будущими доходами хвастался и в вагоне-ресторане, чем привлек к себе преступника», – предположил следователь. Пока все говорило в пользу версии о гастролере-отравителе. Для Зазнаева сейчас ключевым был один вопрос: вышел ли в Рязани отравитель или поехал дальше? Ему вчера не удалось установить, сколько человек покинуло вагоны на Рязанском вокзале. В принципе можно извозчиков опросить, кого и куда они возили с вокзала ночью. Но пока у Ивана Васильевича есть более крепкая ниточка: хозяин магазина с Мясницкой. Поэтому, отобедав дома, прочитав центральные и местные газеты, Зазнаев потребовал себе калоши, шляпу и пальто.

– Ты куда? – спросила его Ольга. Она не особо удивилась, что после окончания рабочего дня муж собрался куда-то идти. Работа следователя всегда была и будет вне рамок служебного графика, о чем девушка знала еще до свадьбы.

– Не волнуйся, это недалеко и ненадолго, буквально на соседней улице побеседовать кое с кем надо.

И в самом деле рядом: Нижненикольская в десяти минутах ходьбы от дома, где снимал квартиру Зазнаев. После свадьбы Иван Васильевич переехал: семья ожидала прибавления, нужна была комната под детскую, да и самим двоим места нужно побольше. Поэтому Иван Васильевич снял новую квартиру в доме на Левицкой³ улице напротив здания Земского собрания. Отсюда идти до суда буквально пять минут.

Ачуев жил в собственном доме напротив храма, построенного в классическом стиле. На стук в дверь Зазнаеву открыла девушка-горничная. Лицо ее было испуганным и заплаканным.

– Мне бы увидеть господина Ачуева, – начал Иван Васильевич.

В ответ девушка помотала головой и произнесла что-то нечленораздельное.

– Я следователь по особо важным делам Рязанского окружного суда Иван Васильевич Зазнаев, доложите обо мне господину Ачуеву, – сделал новую попытку следователь.

Но ответом ему было только сдавленное рыдание.

– Да что же происходит такое? Вы можете объяснить, что случилось?

– Хозяин ууууммер, – заикаясь, наконец, выдавила девица.

* * *

– Ачуев Кирилл Петрович?

– Даааа.

– Так, дайте мне войти.

Девушка отошла в сторону, пропуская следователя в дом.

³ Улица Левицкая получила свое название по фамилии владельца самого состоятельного и богатого дома на улице – дворянина Левицкого.

– Теперь, постарайся успокоиться и четко объясни, что случилось. Когда хозяин умер?

– Час назад.

– Как это произошло? Кто-нибудь видел его смерть?

– Нет, он пришел, я подала обед. Потом он был в гостиной, я подошла через час, так как он обычно курил и я заходила вытряхнуть пепельницу, смотрю, а он мертвый, – последние слова были произнесены на истеричной ноте, девушка опять пристраивалась скатиться в поток слез.

– Ну-ну, ты прекращай реветь, где сейчас хозяин? Тело трогали? – Зазнаев пресек попытку начать новый круг плача.

Тело пока оставалось на месте, в семье купца уже послали за женщинами, которые зарабатывали на жизнь тем, что обмывали покойников и готовили их в последний путь. Зазнаева провели в гостиную. Около камина стояло два мягких кресла с изогнутыми спинками, в одном из них застыло грузное тело. Рядом замерла женская фигура. Еще одна вдова.

– Здравствуйте, меня зовут Иван Васильевич, я следователь, мне надо было поговорить с Кириллом Петровичем, он пригласил меня домой.

– К сожалению, вы опоздали, – вздохнула вдова. – Господу было угодно призвать его к себе.

– Скажите, он сегодня или вчера на здоровье не жаловался?

– Нет, он вообще никогда ничем не болел. Говорил, что у него сибирское здоровье.

Зазнаев оглядел комнату.

– Что вы ищете? – недоуменно спросила женщина.

– Я сам не знаю, что я ищу, но мой опыт подсказывает, что если мне нужен человек как свидетель и если он, не успев дать мне показания, уходит в мир иной, то к этому нельзя отнестись без внимания, – ответил Зазнаев. Неожиданно он нагнулся и из-под кресла достал лоскуток ткани. Это был скомканный носовой платок, по цвету и качеству ткани очень напоминающий тот, который был найден в вагоне рядом с телом будущего владельца ватноделательных фабрик.

– Чей платок? – показал он находку женщинам.

– Дуня, это ваше? – спросила женщина.

– Нет, барыня. У меня другой.

– Это тоже не мой, – отрезала женщина. Это было похоже на правду, такие, как она состоятельные, дамы обычно держали при себе платочки, украшенные вышивкой или кружевом, а тут был весьма аскетичный клочок ткани.

– Может тогда покойного?

– Нет, мужу я другие покупала. У него все платки с инициалами были, а тут никаких букв нет.

– Может его тот мужчина обронил? – неожиданно произнесла Дуня.

– Какой мужчина? – насторожился Зазнаев.

– К нему посетитель приходил. Около часа назад. Я им выпить и закусить приносила.

– Описать его можете? Рост? Возраст?

– Возраста он солидного, моложе, конечно нашего господина, но и не мальчишка, лет 50 ему. А вот росту не очень удачного, невысокий такой. Но не худой, да и толстым я бы его не назвала.

– Одет как?

– Хорошо одет, пальто дорогое, шапка тоже.

– Может что-то говорил?

– Да не помню я, барин, – девушка опять зашла в рыдания. Становилось ясно, что сегодня с ней беседовать – дело бесполезное. Вряд ли горничная очень уж любила хозяина,

скорее деревенская девушка, пришедшая в город на заработки, просто тоже испытывала суев-
верный страх перед смертью. Такое и сегодня не всегда легко принять – был человек и нет.

– Собачка пропала, – неожиданно произнесла вдова.

– Какая собачка? – не понял Зазнаев.

– Вот тут на камине стояла фигурка собачки, каслинское литье. Муж любил металл, он
ведь сам всегда с ним работал, у него была сеть железно-скобяных магазинов, а недавно еще
новый магазин открыл – решеток и кроватей, поэтому и каслинское литье тоже очень ценил.

– Какой размер?

Женщина ладонями показал размер фигурки, в карман ее не сунешь, но в небольшой
саквояж вполне.

– Да, и еще у мужа на пальце было всегда кольцо, его я тоже не вижу, – спохватилась
женщина.

– Портмоне у него было?

– Да, он его всегда носил во внутреннем кармане.

Следователь подошел к телу и провел рукой по тому месту на сюртуке, где обычно бывают
карманы, потом отогнул край одежды и запустил руку в карман.

– Пусто, – констатировал он, а затем спросил: – Как вы думаете, в портмоне у вашего
мужа много могло быть денег?

– Я точно не знаю, но обычно он носил при себе двести-триста рублей.

– Покойный курил, него был портсигар?

– Да, конечно, – несколько недоуменно ответила вдова. – Какое все это имеет значение,
если муж умер?

– Он его носил в кармане?

– Да, он всегда был при нем. Муж курил много, иногда одну от другой прикуривал. Врач
пытался уговорить его курить меньше, а он только отмахивался: «Не зря наш царь-батюшка
Петр эту штуку в Россию привез и к курению приучал народ российский, табак, он думать
помогает». Поэтому обычно портсигар у него лежал в кармане.

– Опишите его, – попросил следователь, а потом пояснил: – Портсигара тоже нет в кар-
манах, возможно, его похитили вместе с портмоне, кольцом и собачкой.

– Ну такой плоский, серебряный, в углу веточка дуба. Там еще один листик немного
погнулся, и, кажется, в углу немножко поцарапано было. Вы бы не могли нас покинуть?
Поверьте, нам всем сейчас очень тяжело, а тут вы еще со своими расспросами.

Следователь понимал эмоции женщины, однако повернуться и уйти он не мог. Зазнаев
только прекратил задавать вопросы и пошел искать дворника, чтобы он сходил за городо-
вым, а тот вызвал полицейского врача. Налицо признаки нового преступления. Конечно, надо
дождаться заключения врача, допросить свидетелей, но следователь уже не сомневался, что
неизвестный отравитель побывал и здесь. Значит, он не поехал дальше казанским поездом,
значит он вышел в Рязани и он в городе.

* * *

Касимов, середина февраля 1910 г.

Следователь Рязанского окружного суда по Касимовскому уезду Петр Андреевич Желез-
манов не любил февраль. Единственное, что его радовало в этом месяце – так это то, что он
был короткий и последний в череде зимних месяцев. Обычно к февралю все прелести, кото-
рые может нести в себе русская зима: красивые заснеженные пейзажи (а следователь увлекался
живописью), катание на коньках, зимние праздники – приедались или были исчерпаны. Хотел-
ось тепла, зеленой травки, голубого неба. Всего этого Петр Андреевич ждал с нетерпением

художника. И эта зима не была исключением. Отрывая очередной листок календаря, молодой человек практически каждый день не мог сдержаться, чтобы не перелистать несколько страничек вперед, словно прикидывая, сколько еще ждать до весны.

Главным событием этой зимы у него стала покупка нового дивана в спальню, которая одновременно выполняла обязанности кабинета. Там у стены стоял старенький диван, сидючи на котором в компании с верным котом Тимофеем Петр Андреевич не раз размышлял над очередным делом. Однако диван был более чем заслуженным. То, что он скрипел как дряхлый старик, еще можно было пережить, но вот то, что из него стали выскакивать пружины и, опускаясь на кожаную поверхность, можно было уколотся, – вот с этим мериться уже было нельзя. Поэтому Железманов договорился с владельцем квартиры, что тот на некоторое время снижает квартирную плату, а он покупает новый диван. Петр любил красивые вещи. Как художник он умел ценить красоту во всем: в природе, в повседневных вещах. Он всегда вдумчиво выбирал вещи для гардероба, давал по этому поводу советы сестрам. И если разница в цене не была слишком разительной, предпочитал более изящное и качественное изделие. При этом у него был прекрасный художественный вкус, поэтому даже приказчики в лавках не стремились подсунуть ему вульгарные, но модные вещи. Диван тоже был выбран из соображений разумного сочетания практичности и изящества по каталогу в одном из магазинов в торговом доме Дьяконова на Соборной улице.

Через неделю Петр Андреевич и Тимофей уже опробовали новую покупку. Надо сказать, что диваны начала XX века несколько отличались от своих собратьев современной поры. Это сейчас диван скорее ближе к понятию «кровать», что логично: при ограниченности жилищных условий большинство людей не могут позволить себе выделить гостевые комнаты, поэтому диван в гостиной очень удобно подходит в качестве спального места гостю дома, а то и члену семьи. В начале XX века выпускались диваны (по крайней мере, был куплен именно такой), на которых лежать не очень-то удобно: короткие и более узкие. С высокой строго вертикальной спинкой, он идеально подходил именно для того, чтобы после обеда почитать газеты, выпить чашечку кофе, выкурить сигару, впрочем, Железманов не курил. Высокая спинка дивана заканчивалась зеркалом, обрамленным в изящную резную деревянную раму, по краям сиденья были пристроены высокие тумбы с полочками, на которые молодой человек сразу расставил свои любимые книги. На верх этих тумб обычно ставились безделушки или подсвечники, но Петр Андреевич этого делать не стал: надо подумать и о своем товарище. Железманов не сомневался, что кот тоже оценит диван и, прежде всего, его будет прельщать возможность забраться повыше и наблюдать за своим двуногим. Молодой человек не ошибся: коту понравилось не только наблюдать с высоты за происходящим в комнате, но и спать в этом месте. Однако тумбы были не особо широкие, и зверь помещался там только при условии, если сидел в классической позе «копилка», то есть все лапки и хвостик плотно прижаты к телу. Но вы пробовали спать сидя? Это крайне неудобно. Однако где наша не пропадала! Тимофей ухитрялся засыпать в совершенно дикой для любого человека позе: свою филейную часть со свисающим вниз хвостом он устраивал на тумбе, а голову укладывал на спинку дивана, вытянув при этом шею и свесив лапу параллельно хвосту. Для Петра Андреевича было большой загадкой, как можно не просто спать в такой позе, но и еще получать от этого удовольствие? О том, что удовольствие было просто колоссальным, говорила не только обычная логика (не нравилось – не спал бы), но и выражение рыжей морды, на которой застывало что-то похожее на улыбку. То, что коты могут улыбаться, подтвердит любой, кто с ними делит кров. Единственным камнем преткновения стала боковая стенка дивана: дело в том, что именно о бок старого дивана Тимофей любил точить когти. Петр Андреевич этому не препятствовал, так как хорошо понимал, что точить когти для кота так же необходимо, как спать или есть. Однако новый диван было жалко. Попытка предложить для этой цели бревно успеха не имела: то ли дерево было слишком твердое, то ли Тимофей решил занять принципиальную позицию, но стало ясно, что новый

предмет мебели вряд ли уцелеет. Тогда Петр сделал проще: так как старый диван предполагалось выкидывать, то он попросил рабочего вырезать часть той доски, которую кот использовал для наведения маникюра, и приставил эту доску к новому дивану. Такой компромисс вполне устроил зверя. Если Железманова не было дома, Тимофей часто возлежал на одной из тумб или вообще на спинке. Когда на диван присаживался Петр Андреевич, кот спускался вниз, желая составить компанию двуногому и всячески объясняя, что надо погладить спинку или животик, мурлыча и комментируя рассуждения молодого следователя. Тот часто обдумывая подробности того или иного дела вечером или после обеда, поглаживал кота и проговаривал свои соображения вслух. Правда, в последнее время особо заковыристых дел у него не было. Провинциальная криминальная жизнь чаще бывает рутинной и не особо разнообразной. Следователя вызывали, как правило, на кражи и драки. Нередко виновные обнаруживались до его приезда: обыватель начала XX века не отличаясь особыми познаниями по делу сыска (тогда не было кучи телесериалов, которые в деталях рассказывают о способах сбора доказательств), поэтому на месте происшествия обильно оставляли следы обуви, рук, а то и личные вещи – кيسеты, носовые платки с инициалами. Не редкостью были случаи, когда виновный обнаруживал себя запоем, сопровождаемым мотовством и хвастовством неожиданного обогащения. Драки вообще чаще всего имели место в публичных местах с кучей свидетелей, которые, как правило, оказывались сильно пьяны, и приходилось проявлять недюжинное терпение, чтобы получить более-менее связанные показания. Случалось расследовать и убийства. Вот как раз недавно передал одно дело об убийстве в суд, однако и там ничего интригующего: обычное, так называемое чисто русское убийство. На Рождество двое рабочих кирпичного завода напились вдрызг, а потом слово за слово дошло и до драки, последним аргументом в ней стал лежащий на земле кирпичный бой, проще говоря, кусок красного кирпича, которым и проломили голову вчерашнему другу. Опять же у свидетелей на виду. Ничего таинственного.

Следователь Железманов относился к рутине вполне спокойно, его небольшого служебного опыта уже хватило понять, что романтика скорее только в любимых романах Жюль Верна бывает, а жизнь намного проще и скучнее, да оно и лучше, когда без неожиданностей и приключений.

Однако один из февральских вечеров неожиданно внес разнообразие. В этот день Петр Андреевич возвращался со службы позже обычного. Впрочем, для него традиционным было приходить домой после того, как рамки присутственного, то есть рабочего времени благополучно и давно минули. Вот и в тот день он шел домой, когда уже сумерки крепко окутали город, и скоро надо будет очень аккуратно передвигаться, чтобы в темноте не поскользнуться на замершем снегу.

Обычно его путь пролегал по одной траектории: вначале по Соборной до дома Салазкиных, потом по Большой Мещанской до Сенной площади, а там в двух шагах уже дом на Малой Мещанской. Если на Соборной еще горело газовое освещение, то на Мещанских улицах его не было, чуть-чуть выручал свет, который робко пробивался через занавески на окнах, но на Сенной и на это рассчитывать не приходилось: там по периметру площади стояло несколько административных зданий, в которых присутственное время заканчивалось строго по расписанию. Когда приходилось задерживаться до полной темноты, то Петр Андреевич вообще доходил до перекрестка с Малой Мещанской и шел напрямую к дому или брал извозчика. Но сегодня пока его сопровождали сумерки, а не полная темнота, и поэтому он пошел обычным путем. Вдруг неожиданно из этих сумерек выросла фигура, четко давшая понять, что без драки день будет абсолютно неполноценным.

– Слушай, давай не будем портить день друг другу. Ты пойдешь спать, я не буду тебя доставлять в полицейский участок, и ты не получишь пару месяцев тюрьмы за драку, – попытался предотвратить столкновение Петр Андреевич. Однако его слова повисли в воздухе. Мужская фигура, одетая в бесформенное тряпье, ответила смачным и нецензурным ругательством,

смысл которого обозначал, что кругом все сволочи и обжоры и компенсировать это неудобство может только драка и чужой кошелек и не имеет значения, что думает по этому поводу господин, стоящий напротив.

– Вообще-то я следователь при Рязанском окружном суде и нападать на меня – значит совершать покушение на представителя закона, – сделал еще одну попытку остановить хулигана Железманов, в глубине души прекрасно понимая, что тот имеет твердое намерение совершить противоправное действие и избежать столкновения не получится. Петр Андреевич не то что перепугался, у него хоть и кабинетная работа, но физически он был неплохо подготовлен, и опыт участия в уличных драках пусть мальчишеский, но был. Однако если бесформенная фигура хотела драки, то следователю совсем не улыбалось махать кулаками, звать полицию и вместо заслуженного отдыха в полицейском участке пристраивать на ночлег непутевого прохожего.

– А мне плевать, что ты следователь, хоть сам черт, хоть кто. Давай кошелек и проваливай, мне выпить надо, – увы, ответ хулигана был ожидаем.

Фигура стала надвигаться на молодого человека, более того, у него в руках появилось что-то темное, возможно, это был кастет. Ситуация становилась критической, было очевидно, что мужику требовалось не просто отобрать кошелек, а еще и выпустить пар, проломив чью-то голову. В этой ситуации вывернуть карманы и отдать имеющееся имущество не являлось выходом из ситуации: драки было не избежать все равно. Петр Андреевич оглянулся в поисках чего-нибудь, что помогло бы отразить удар, сейчас он очень пожалел, что вышел из дома без тросточки, которую когда-то ему подарил сотрудник сыскного отделения Егор Иванович Анисимов: в ней был вмонтирован клинок. И на данный момент Железманов научился неплохо владеть. Однако, отправляясь на службу, он брал подарок только в том случае, если ожидал столкновения с опасностью. Рутинная жизнь провинциального города ранее не давала повода чего-либо остерегаться. Рядом валялась палка, на крайний случай подойдет и она. С помощью нее Петру Андреевичу удалось отразить первый удар, когда верзила, замахнувшись рукой с кастетом (увы, это точно был он), совершил первый бросок. Однако неудача только раздрадила хулигана, и он бросился снова, и второй раз молодому человеку удалось увернуться, но он потерял равновесие и чуть не упал. В этот момент верзила снова попытался напасть, и шансы на успех у него были велики, но неожиданно на площади появилось еще одно действующее лицо: непонятно откуда появился прилично одетый мужчина и, увидев драку, прикрикнул:

– Прекратите, немедленно прекратите!

Хулиган было переключился на новенького, но тот неожиданно ловко нанес удар в живот и видимо попал в солнечное сплетение, так как верзила осел на снег, жалобно пристанывая, незнакомец воспользовался этим и поспешил снять с пальцев кастет. Хулиган попытался сопротивляться, но неожиданно помощник нанес ему удар по лицу, и тот опустил его опять на снег.

– Я думаю, что нам лучше побыстрее выйти на центральную улицу, – предложил незнакомец следователю.

– Да, я уже практически пришел домой, спасибо вам, – пожал руку незнакомцу Петр Андреевич, краем глаза он видел, как верзила, пятась, покидает место боя.

– Не за что. Вы живете рядом?

– Да. На Малой Мещанской.

– Позвольте представиться: статский советник Аркадий Сидорович Потапцев. Я вас провожу.

– Петр Андреевич Железманов, спасибо за помощь, но провожать не надо, в этом нет необходимости. Я не думаю, что со мной что-то произойдет еще, – стал отбиваться Железманов. Но новый знакомый оказался очень настойчивым, он взял под руки молодого человека,

и пришлось идти к дому вместе. Около крыльца Петр Андреевич еще раз поблагодарил незнакомца, тот протянул руку и вдруг неожиданно произнес:

– Вот это да, надо же!

В сумерках было плохо видно, но понять, что именно стало причиной этого возгласа, было можно: оказалось, у пальто незнакомца оторвался накладной карман.

Что должен сделать вежливый человек в этой ситуации? Правильно: пригласить к себе, чтобы зашить:

– Идемте, моя домработница неплохо дружит с ниткой и иглой. Она в два счета поправит прореху, – пригласил нового знакомого Железманов.

Мужчины поднялись на второй этаж и вошли в квартиру. Тут при свете лампы Железманов получил возможность как следует рассмотреть своего нового знакомого. Он был не молод, старше самого Петра в два раза, невысокий, крепенький, словно шарик ртути, лицо улыбалось открытой улыбкой. Прасковья получила поврежденное пальто и указание поправить прореху.

– Это мы мигом, сделаем сейчас, не извольте беспокоиться, – засуетилась Прасковья, услышав историю о нападении. – Но может пока отобедаете? У меня картошка горячая, солянка готова.

– Да, пожалуй, ты права, накрывай вначале на стол, а потом зашьешь, – кивнул головой Железманов. Не пригласить гостя к столу в этой ситуации было неудобно, тем более что и есть хочется не на шутку.

Мужчины прошли в столовую, там на ковре прямо на пути к столу сидел Тимофей. Он с деловым видом приводил в порядок свой гардероб: вылизывал бока и чесал за ухом.

– Рыжий, привет! – поздоровался Петр Андреевич.

Кот, увидев своего двуногого, поспешил встать на лапы и побежал навстречу, ожидая очередную порцию ласки. Он привык, что его двуногий всегда относится с любовью и потакает ему во многих вещах. Так же к нему относились и другие двуногие, бывающие в этом доме. То, что произошло потом, было непостижимо его пониманию: незнакомец шел к столу и, когда на его пути оказался рыжий клубок, попытался пнуть зверя ногой, произнес классическое: «Брысь». Это поразило бедного Тимофея до глубины души! Нельзя сказать, что его больно ушибла нога незнакомца: кот успел отскочить, но его оскорбил сам факт подобного поведения. Как посмели с ним так поступить! Ну ладно, на улице он привык проявлять осторожность. Двуногие, между нами говоря, очень странные существа. То они начинают сюсюкать и тискать, причем в тот самый момент, когда надо бежать по срочным делам, то фыркают, говорят «брысь», а то и вообще могут бросить что-то. Но это на улице. Тут, на втором этаже дома на Малой Мещанской, он привык к всеобщему поклонению. Сам Железманов и все его гости обычно ласкали и любили Тимофея. Сложные, правда, отношения были у него с Прасковьей, но ради справедливости отметим, что не она тут хозяйка. Зверь развернулся спиной и обиженно пошел в спальню. Там он будет в безопасности.

– Обиделся, – грустно констатировал Петр Андреевич, но, повинувшись долгу гостеприимства, указал гостю на стол. Тот как ни в чем небывало уселся поближе к печке.

– Замерз, холодно на улице, – потирая руки, проговорил он. – А вы часто так поздно возвращаетесь?

– Это еще рано, бывает и за полночь возвращаюсь, – несколько сдержанно ответил Петр Андреевич. За Тимофея ему тоже было несколько обидно, но виду старался не подавать, ведь не все любят кошек, у некоторых от них буквально слезы на глазах выступают, вдруг и его новый знакомый страдает такой болезнью.

– Вы бы были поосторожнее, не следует так гулять поздно одному, это не разумно и опасно, мало ли кто может пристать, – наставительно произнес Аркадий Сидорович.

– К сожалению, моя служба не предполагает исключительно дневных прогулок, – пожал плечами Петр Андреевич.

– А кем вы служите?

– Следователем. А вы?

– Я военный в отставке. Полгода назад поселился в этом городке, теперь обычный касимовский обыватель. Живу тут недалеко на соседней улице.

– Ааа, поэтому вы так быстро справились с этим хулиганом. Есть опыт рукопашной борьбы?

– Да как же без него. А вот вас научить, я вижу, некому. Батюшка в детстве, наверное, за драку в угол ставил?

– Батюшка мой, к сожалению, умер очень рано.

– Извините, я не знал про вашего батюшку. А он кем был? Тоже служил по юридической части? – Аркадий Сидорович задавал вопросы беззаботным тоном, но почему-то Железманов не особо был расположен отвечать. Устал он сегодня и – что греха таить – перенервничал. Не каждый день на тебя прыгают с кастетом. Поэтому он пошел на кухню поторопить Прасковью, но она уже сама заходила в комнату, неся тарелки. Через пять минут мужчины ели ароматную солянку. Потом пришло время картошки с тушеным мясом и чая. Новый знакомый оказался очень разговорчивым человеком, он постоянно шутил, рассказывал сам, задавал различные вопросы. Не получив ответа про отца Петра Андреевича, он снова вернулся к этой теме:

– А как такие молодые обаятельные люди становятся следователями? Наверное, ваш батюшка служил по судейской части и завещал вам также быть юристом.

– Нет, это был мой самостоятельный выбор. Мой отец был военным, война на Балканах подорвала его здоровье, и, как я уже сказал, он рано умер.

– Бедняжка, вы росли без отца. Но знакомые, друзья вашего батюшки помогали вашей семье? Участвовали в вашем воспитании?

– У отца были друзья, с которым он воевал, одно время они бывали у нас в доме и бывали после его смерти, а потом...

– А что потом? Забыли?

– Нет, кто-то тоже ушел в мир иной, кто-то переехал в другой город.

– Ну а здесь у вас есть друзья? Вы же не совсем одиноки в этом провинциальном мире?

– Конечно, человек не может жить один, – Петр Андреевич не был склонен к откровенностям. Во-первых, служба уже приучила чисто интуитивно избегать откровенностей. Во-вторых, как уже было сказано, молодой человек устал, ему хотелось поесть и немного подремать, а потом можно будет почитать.

– Кстати, я тоже воевал на Балканах. Возможно, встречал там вашего батюшку? Он тоже Железманов? Андрей? – вопрос имел немое продолжение. Гость явно хотел узнать отчество отца Петра Андреевича.

– Петрович, – правильно понял вопрос хозяин дома. – Андрей Петрович Железманов.

– А воевал он где? Под Плевной?

– Нет, на Шипке.

– Да? – оживленно спросил Аркадий Сидорович. – Я вот под Плевной. Не поверите, императора Александра Николаевича лично своими глазами несколько раз видел! Он нас тогда 11 декабря приезжал поздравлять.

Потапцев был настроен и дальше обсуждать героическое прошлое страны, тем более что повод был как нельзя подходящим. Однако разговор явно не клеился. Наконец в дверях показалась Прасковья, неся в руках пальто. Это стало поводом для откровенной фразы:

– Знаете, я, честно говоря, сегодня очень устал, я очень признателен вам за помощь, вы меня и в самом деле очень выручили, но... – окончание фразы повисло в воздухе, однако суть была ясна, и дальше гостю ничего не осталось как попрощаться, поблагодарить в свою очередь за пришитый карман и удалиться.

После его ухода в комнату осторожно вошел Тимофей. Вид у него был обиженный. Он подошел к Петру и потерся о ноги.

– Обиделся? Ну, не серчай, – успокоил Железманов рыжего друга. – Ты пойми, не все котов любят. Не надо так ко всем приставать.

Прасковья в это время собирала со стола посуду и вдруг неожиданно произнесла:

– Вот ведь нелегкая принесла!

Петр удивился. Обычно Прасковья была относительно любезна с теми, кто приходил в дом. Она могла отчитать посыльного или унтер-офицера полиции, который являлся посреди ночи, чтобы поднять следователя с постели. Но когда гости приходили днем, она обычно изображала гостеприимство, несмотря на свой ворчливый характер. Такого резкого отзыва ранее от нее Петр не слышал.

– Ты чего это? Он, между прочим, меня от хулигана спас, – удивленно вскинул брови он.

– Ну не знаю, как он там спас, только взгляд у него недобрый, вон Тимофея обидел, держались бы вы от него подальше, – со звоном собирая тарелки, продолжала пыхтеть женщина.

Петр удивился еще больше: между Прасковьей и Тимофеем были отношения достаточно натянутые, а тут совершенно неожиданно она за него заступилась! Это было что-то новенькое!

* * *

Однако еще больше Петр Андреевич удивился, когда на следующий день увидел Прасковью у себя в кабинете. За все время проживания в Касимове такого не было ни разу! Вид у женщины был очень встревоженный и запыхавшийся, было видно, что путь к зданию мировых судей, где был кабинет судебного следователя, домработница проделала бегом.

– Прасковья, что случилось! На тебе лица нет! – всполошился Железманов, отчетливо понимая, что произошло что-то из ряда вон.

– Беда, Петр Андреевич, такая беда! – запричитала Прасковья.

– Да ты сядь, воды выпей, – засуетился молодой человек, подставляя женщине стул и протягивая стакан воды. Подождав, когда немного домработница придет в себя, спросил:

– А вот теперь не спеша, спокойно расскажи, что стряслось?

– Беда, Петр Андреевич. Воры к нам залезли, все перевернули.

– Куда? К нам на квартиру?

– Да, я с утра на рынок пошла, сметанки купить, курочку. Прихожу, а дома как Мамай прошел, все перевернуто, из шкафов все вывернуто, даже подушка вспорота.

Да, следователь тоже человек, он тоже может стать жертвой самого банального ограбления или кражи. В этом плане у него никаких гарантий нет, кроме, пожалуй, одного: можно надеяться, что коллеги, расследуя это преступление, постараются приложить максимум усилий к раскрытию. Но это если коллеги рядом. А что делать Петру Андреевичу? Он единственный следователь на уезд. Ни один следователь не может расследовать преступление, где он же и является потерпевшим. В идеале надо посылать телеграмму в Рязань или соседний уезд, чтобы прибыл коллега для следственных действий. Но прежде чем это делать, Железманов все же решил сам осмотреть свое жилище.

– Как вор приник в квартиру? Через окно или дверь взломал? Может ты ключи потеряла? – по дороге к двери расспрашивал Петр домработницу.

– Нет, не потеряла, он, окаянный, замок похоже взломал.

Железманов поймал извозчика, по дороге заехал за знакомым слесарем. Во-первых, пусть профессиональным взглядом посмотрит, был ли взлом. Следователь его периодически привлекал в качестве специалиста, тогда еще не было экспертов-трасологов, которые проводили бы подобные исследования. Во-вторых, если замок сломан, то его по-любому менять надо. Не жить же дальше с открытой дверью?

К двери квартиры Железманов подходил осторожно, чтобы не затоптать возможные следы, но на улице мороз, вся грязь примерзла и глазом ничего разглядеть не удавалось, а хитроумных лампочек, позволяющих видеть невидимое, тогда еще не существовало. Попросил слесаря посмотреть замок.

– Взломали его тебе, барин, – произнес через пару минут слесарь. – Отмычкой взломали или ножиком.

Пошли в квартиру. Следователь не раз замечал, что после посещения жилища ворами все квартиры и дома становились похожими друг на друга, настолько беспорядок и разбросанные вещи обезличивали жилье. И в самом деле: на полу валяется одежда, из книжной полки выброшены книги, ящики столов беззащитно выдвинуты. Комод с посудой открыт, тарелки и прочая посуда стоят в беспорядке, было件нятно, что кто-то передвигал все, но ничего не разбил и не взял.

Молодой человек пошел в спальню. Первое, что ему бросалось в глаза, – разбросанные по всей комнате акварели. Прямо с пола на него смотрела Тоня – девушка, в которую он влюбился во время командировки в Петербург и был вынужден в себе эту любовь задушить, так как милая барышня была замешена в изготовлении фальшивых денег и ей грозила каторга⁴. Однако беспомощно лежащий портрет с застенчивой улыбкой и помятым краем больно резанул по сердцу. Петр нагнулся, бережно поднял лист бумаги и расправил загнутый край, потом с портретом в руке осторожно прошел к столу и заглянул в ящик: там он хранил деньги, свой пока единственный орден, университетский значок, документы. Странно, все это на месте, по крайней мере, деньги все копеечка в копеечку. Бумаги тоже все целы, хотя ощущение, что в них копались – письма вынуты из конвертов. Так, что еще? Из одежды тоже ничего не пропало. На месте краски и мольберт. Так, что еще? Что еще ценного есть в доме? Ценным предметом можно назвать велосипед, но с ним тоже все в порядке: он как висел, так и висит на видном месте в коридоре.

Продолжая растерянно осматривать комнату, Железманов стал собирать разбросанные по комнате акварели. Он подобрал пару пейзажей, потом нагнулся за следующим рисунком, это был портрет Тимофея, разлегшегося прямо на письменном столе среди книг под лампой. Кстати, а где сама модель-то? И тут молодой человек испугался уже серьезно. Где кот??? Конечно, крайне редко воры и грабители наносили урон домашним животным, если только собакам, которые мешали злоумышленникам делать свое черное дело. Кошачьим обычно не доставалось. Все равно Петра Андреевича пронзил страх за своего рыжего друга. А вдруг рука злодея могла подняться на Тимофея?

Тут он услышал негромкий писк. Звук шел сверху. Железманов поднял голову и увидел на шкафу испуганную рыжую мордочку. Тимофей!

– Тёма, ты как? Иди ко мне, – позвал Железманов, поднимая руки. Тут же на него плюхнулось не менее 15 фунтов лохматого и теплого, и, кажется, очень злого.

– Испугался? – заботливо спросил зверя Петр, поглаживая пушистую спинку.

«А ты как думал? Пришел тут этот гад, навел беспорядок, на меня набросился! И вообще, что это было?» – говорил взгляд зеленых глаз.

– Ну-ну, не переживай, все в порядке. Мы с тобой целы, вещи вроде тоже, – приговаривал молодой человек, поглаживая лохматого друга и попутно продолжая оглядывать спальню.

– Прасковья, проверь, у тебя ничего не пропало, – попросил он домработницу. Епархией женщины была кухня и небольшая личная комната, где она спала и лежали ее личные вещи.

– А у меня все в порядке, – растерянно произнесла Прасковья, приглашая хозяина зайти к ней. И в самом деле, если в комнатах Железманова царил беспорядок, то у нее ничего не было

⁴ О любви Петра к девушке Тоне рассказано в романе «Фальшивые императрицы и следователь Железманов». Читайте на сайте «ЛитРес» <https://www.litres.ru/>

тронуту. Посуда стояла на местах, продукты тоже явно никто не ворошил, в женских вещах не копался. Словом, вор ограничился только комнатами следователя. Стоп! Можно ли говорить слово «вор»? Ничего ведь не украли. Только пошарили в вещах и ушли. Кому и зачем нужен был этот непонятный обыск? В растерянности Петр Андреевич опустил на стул в гостиной. Кот, почувствовав себя в родных объятиях, успокоился и даже немного начал урчать. В этот момент в коридоре послышались шаги. Петр напрягся и резко повернул голову.

* * *

На пороге стоял Сергеев. Арсений Петрович Сергеев – отставной военный, участник двух войн (русско-турецкой 1877 года и русско-японской 1905 года). Он давал молодому следователю уроки фехтования и стрельбы из короткоствольного оружия. Также мужчины вместе иногда совершали прогулки на велосипедах за город, иногда играли в шахматы. Нельзя сказать, что они были близкими друзьями, скорее товарищами, которых свели некоторые общие интересы.

– Добрый день, Арсений Петрович, – поздоровался Железманов, продолжая поглаживать кота.

– Добрый? – удивился Сергеев. Он понял, что случилось что-то неординарное. – Что у вас произошло? Дверь взломана, замка нет, в квартире как Мамай прошел, вещи на полу валяются. Да и у вас вид какой-то растерянный и похоже синяк на лице.

Да, синяк небольшой был, как ударился во вчерашней драке, сам не помнил.

– Да, это я вчера на какого хулигана нарвался, рванул на меня с кастетом, хорошо вы научили – увернулся, – нехотя пояснил Петр Андреевич.

– Хотел ограбить?

– Да, возможно, может просто пьяный пар надо было выпустить. Словом, ничего необычного, хорошо случайный прохожий помог.

– Задержали?

– Кого?

– Хулигана этого?

– Нет, сбежал.

– Так, а сегодня что произошло?

– Сегодня кто-то залез в мою квартиру и обыскал все мои вещи.

– Что-то пропало?

– В том и дело, что нет.

Это больше всего и озадачивало молодого следователя, что ничего не пропало. Кражу всегда можно объяснить, жажда наживы объясняет все, могли какие-то залетные воры забраться в первую попавшуюся квартиру, не подозревая, что там следователь живет. Но вот обыск! Это было непонятно. Тимофей заерзал на руках. Успокоился, пришел в себя и был не прочь побегать, а может и поесть. Это понял двуногий:

– Прасковья, у нас молоко есть? Налей коту.

Кот спрыгнул на пол и двинулся в сторону кухни. На его пути стоял Сергеев. Тот не сразу понял, что стоит на траектории движения лохматого хозяина дома, поэтому в адрес мужчины раздалось довольно громкое фырканье. Арсений Петрович посторонился, но не удержался от нравоучений:

– Обойти трудно? Тут столько места еще!

Тимофей всем видом дал понять, что двуногий неправ. В этом доме принято поклоняться этому рыжему божеству. В основном все гости Петра высказывали почтение зверю, гладили его, давали кусочки со своих тарелок. Сергеев, как человек военный, привыкший к субординации, неоднократно намекал Железманову, что его домашний зверь имеет слишком много прав, хотя, как воспитанный человек, он не позволял себе откровенно вступать в конфликт

со зверем, а уже тем более прогонять его. Тимофей был глубоко не согласен с такой логикой и сейчас вынудил двуного посторониться.

Отставной военный присел рядом с Петром на соседний стул.

– Вы не думаете, что эти два события: вчерашнее нападение на вас и сегодняшний обыск у вас в доме связаны? – спросил он. Мысль не была лишена основания. Петр Андреевич уже сам думал об этом, поэтому только кивнул головой.

– Только никак не могу прикинуть, с чем это связано, – растеряно добавил он.

– Вы следователь, поэтому логично в первую очередь подумать, как говорят в вашей любимой Одессе, за те дела, которые вы сейчас ведете, – подкинул мысль отставной военный.

– Угу, мне эта мысль тоже в голову пришла, – кивнул головой следователь. – Только вроде как ничего необычного у меня нет. Рутина.

Петр Андреевич встал и начал подбирать вещи с пола. Смысла ехать обратно на работу уже нет, присутственное время закончилось. Сергеев тоже стал помогать наводить порядок, одновременно наставляя:

– Я думаю, что вам надо очень внимательно проанализировать все, что у вас находится в производстве. Это на первый взгляд у вас одна рутина, как знать, может вы затронули интересы каких-то весьма опасных людей. Поэтому позволю дать вам еще один совет: не выходите больше из дома без трости, а еще лучше без браунинга. Мало ли что.

Железманов понимал, что Сергеев прав. Он только не знал, что ему делать непосредственно с фактом проникновения в квартиру. Писать коллеге в соседний уезд или нет? Ничего не пропало, значит, кражи нет и возбуждать дело повода нет. Хотя случай из ряда вон. Под конец наведения порядка он пришел к мысли, что проинформирует письмом своего непосредственного начальника, то есть прокурора Рязанского окружного суда, курирующего следствие. А там как он решит. А вот вызывать коллегу из соседнего уезда не будет. У него и так много работы.

В комнате показался Тимофей. Вид у него был довольный. Видимо ему перепали не только чашка с молоком, но и немного потрохов с куренка. Сел посредине ковра и стал умываться.

– Тёма, будь любезен, уйди с прохода, а то ты ходить мешаешь, можем на твой драгоценный хвост наступить, – попросил Железманов.

Кот изумленно посмотрел на двуного. Как он может мешать? А хвост?! Да, хвост его гордость. Надо сказать, что к зиме Тимофей традиционно переодевался. Вот и сейчас он щеголял в зимней шубе, которая просто волочилась по полу, хвост в зимнем варианте вообще напоминал опахало турецкого султана. Однако двуногий посмотрел очень выразительно: взгляд явно свидетельствовал, что не одному зверю сегодня пришлось плохо и некоторые тоже нуждаются в сочувствии и понимании. Поэтому, чуть помедлив, рыжий комок меха поднялся и пошел в сторону, потом точным прыжком оказался на стуле в углу комнаты и там замер.

К концу уборки по комнате поплыли запахи жареного куренка и других яств.

– Ну, вот и обед готов, – произнес Сергеев.

– Откушаете со мной? – спросил Железманов. Однако это было не просто жестом вежливости, и отставной офицер этот понимал. Фраза про обед прозвучала не просто так. И дело было не в том, что он хотел напроситься на приглашение. Будучи несколько раз в доме, мужчина уловил некоторые особенности в системе ценностей своего молодого ученика. По современным меркам, Петра назвали бы сторонником ЗОЖ, то есть здорового образа жизни. Он никогда не курил, не злоупотреблял алкоголем. Даже в студенческие годы воздерживался от лихих вояжей по кабакам и шинкам, которые любили некоторые его товарищи. Молодой человек ценил активный отдых: он прекрасно плавал, регулярно занимался фехтованием, а к месту происшествия зачастую добирался на велосипеде. Но в плане еды у Петра была небольшая слабость: как и Тимофей, он считал, что пища должна быть вкусной и обязательно

доставлять удовольствие. И лучше это удовольствие получать в приятной компании. Обжорой назвать его было бы большой несправедливостью (скорее это можно было отнести к Тимофею), еды не обязательно должно быть много, но она обязательно должна быть качественно приготовлена. Возможно, ему просто повезло в жизни: кухарка дома в Твери очень неплохо готовила, просто настоящим мастером своего дела была тетя Соня из семьи одесского приятеля Миши Берштейна⁵, у Прасковьи тоже был кулинарный талант. Правда, она не умела готовить форшмак, фаршированную рыбу и мамалыгу, но сырники и борщ выходили не хуже, чем у тети Сони, а блины даже превосходили по своим вкусовым качествам. За это Железманов охотно прощал женщине регулярные стычки с Тимофеем (ради справедливости: тот сам был мастер, как говорят в Одессе, сделать нервы), плохое понимание специфики служебной деятельности следователя, привычку бурчать по различным поводам.

Поэтому Сергеев и подвел своего знакомого к идее совместного обеда как к своеобразному способу психологической разгрузки. За трапезой Арсений Петрович настоял, чтобы Прасковья принесла рюмки и графинчик водки:

– Вам надо успокоиться, – пояснил он. – Много пить совсем не обязательно, небольшую рюмку или две под хорошую закуску. Этого будет достаточно.

В этот день Железманов даже раньше обычного лег спать. Однако только сон на мягких лапках стал подкрадываться к нему, как в дверь застучали. Прасковья бурча пошла отрывать, и уже через минуту рядовой полиции докладывал:

– Ваше благородие, кто-то ваш кабинет вскрыл!

Вот это уже не укладывалось ни в какие рамки. Прав был Сергеев! Затронул чьи-то интересы следователь Железманов. Что можно искать в кабинете следователя? Ответ напрашивался сам собой: дела! В истории криминалистики такое случается, пусть очень редко, но случается: преступник, находясь под следствием, или его друзья-приятели пытаются украсть материалы по делу.

По дороге в здание мировых судей Железманов спросил полицейского, как стало известно о проникновении.

– Сторож здание обходил и увидел, что окно разбитое.

– А как в здание залезали, не слышал?

– Нет, он мог задремать в сторожке, мог вообще быть с другой стороны.

Минут через 15 следователь уже входил в свой кабинет, впрочем, сейчас это не его кабинет, а место происшествия. Так что у нас тут?

Окна первого этажа были не очень высоко от земли, к тому же достаточно широкий подоконник позволял получить опору для рук или ног. Стекло разбито, точнее не все: высокое окно было поделено деревянной рамой на небольшие квадратики, преступник разбил один квадратик, протянул руку и отодвинул шпингалет, затем проник в сам кабинет. Система безопасности тогда была намного слабее современной: видеокамер и сигнализации не было и в помине. В самом кабинете по сравнению с квартирой был относительный порядок, возможно из-за того, что в кабинете было значительно меньше вещей. Было видно, что книги из книжного шкафа подвергались осмотру: они не стояли ровно, а валялись друг на друге. Ящики стола тоже были открыты, но бумаг в них было немного: в основном в столе Железманов держал пустые бланки и пачку чистой бумаги, некоторые несекретные циркуляры Министерства юстиции. Главное у него было в сейфе, там лежали дела, находящиеся в производстве, и там же хранилась папка с важными документами из Рязанского окружного суда и Министерства юстиции. Фактически сейф был главным и единственным атрибутом секретности и без-

⁵ Про Мишу и тетю Соню рассказано в романах «На своем месте, или Новые приключения следователя Железманова», «Одесские каникулы следователя Железманова». Читайте на сайте «ЛитРес» <https://www.litres.ru/>

опасности в этот период. А вот вскрыть его у злоумышленника не получилось: на дверце около замка были видны глубокие царапины, замок пытались взломать, но тот не поддавался.

– Одно понятно: не медвежатник действовал, сейфы не умеет взламывать, – выдохнул Петр Андреевич. Мысленно он себя похвалил за пунктуальность и аккуратность, как бы он ни уставал после рабочего дня, он обязательно убирал все, кроме самых незначительных документов, в сейф. Представления о секретности тогда уже имелись, инструкции предписывали, какие документы надо прятать от посторонних глаз, но не все следователи и другие чиновники судебного ведомства всегда этому следовали: иногда все складывалось в ящики столов, которые даже не запирались, хорошо если не забудут закрыть дверь служебного кабинета, и то, мотивируя это сохранностью личного кошелька (мало ли какие люди ходят по коридорам присутственных мест).

Позвали сторожа.

– Что видел?

– Да почти ничего. Заступил я на службу, значит, как положено время от времени обходил здание с колотушкой.

Сторож взял колотушку и несколько раз ее стукнул, сейчас такие атрибуты охраны давно ушли в прошлое: небольшая деревяшка на ручке, к ней приделывался сыромятный ремешок с деревянным шариком, именно им сторож стучал. С таким звуковым сопровождением сторож и обходил свою территорию.

– Дальше что было?

– Выхожу из-за угла, вижу окно распахнуто, тут на меня как фигура какая-то вдруг прыгнет! Повалила в снег, я упал, а он тово...

– Что тово?

– Стрекача задал. Побежал как лось.

– Ну, а ты этого лося разглядел?

– Да где там! Темно же было.

Против этого трудно было возразить. Освещения на улицах Касимова в то время практически не было, февральские ночи редко бывают ясными и звездными. Где уж тут разглядеть темную фигуру, выпрыгнувшую на тебя из окна.

– Ну, хоть рост какой был? – устало спросил Петр Андреевич.

– Да вот чуть пониже тебя, ваше благородие.

– Толстый, худой?

– Да как сказать, вроде не худой, но и не толстый.

Других свидетелей не было. Осталось только закрыть окно (холодно в кабинете, просто жуть), приказать сторожу заколотить разбитый участок какой-нибудь фанеркой или дощечкой и возвращаться домой, досыпать. Хотя какой там сон после всего этого!

На следующее утро Петр Андреевич пришел на работу как обычно, сторож пригласил стекольщика, и через час окно было в полном порядке. Замок сейфа несколько с трудом, но поддался родному ключу. Все документы на месте, но осталось самое трудное: понять, что именно привлекло внимание преступника. Железманов выложил все тома на стол и стал просматривать обложки. Однако быстрого озарения в голову не пришло. Надо внимательно читать все, но на это времени не было: есть и прочие служебные обязанности. На сегодня вызвано два свидетеля по разным делам, необходимо дописать обвинительное заключение. Да и еще необходимо составить письмо в окружной суд обо всех происшествиях. Хорошо, что за день не доложили о новых преступлениях, не пришлось выезжать на очередную драку или убийство. Только к концу дня следователь смог просмотреть еще раз все бумаги во всех делах, листал и перечитывал несколько раз, присутственное время давно истекло, имел право покинуть кабинет и идти домой к горячим щам, а он все сидел и читал, и читал. Правда, опять же озарения в голову не пришло: ну не мог он понять, что могло привлечь преступников в этих делах.

* * *

Когда уже голод пристал просто с категоричным требованием дать организму пищи, Железманов поднял себя из-за стола, убрал все документы в сейф, приказал сторожу быть особо бдительным и пошел домой. Словом, есть о чем подумать вечером на досуге. После обеда Петр Андреевич устроился дома на диване, чтобы еще раз все обмозговать. Верный Тимофей с готовностью устроился рядом, чтобы помочь решить очередную задачку, уникальность которой состояла в том, что действующим лицом в ней был его двуногий друг.

«Итак, у меня сейчас в производстве ряд дел. Из них три о незаконных порубках – крестьяне рубили лес в казенном лесу. Все они возникли независимо друг от друга, обвиняемые даже незнакомы друг с другом. Есть смысл фигурантам этих трех дел устраивать все эти игры со взломом и обыском? Скорее всего нет», – размышлял Железманов.

Зеленый взгляд кошачьих глаз дал понять, что последний тезис требует доказательств.

– Ну, это просто, рыжий. За это преступление ответственность предусмотрена не такая уж серьезная. Небольшой штраф или внушение от суда. Так что нет им смысла пытаться дело свое похитить. Да и сами эти крестьяне не способны на это. Поэтому это не вариант.

Кот слегка муркнул, видимо одобряя аргумент друга. Но кто тогда?

– Думаем дальше, есть два дела о краже. Буквально совсем недавно заявления принял. Но там абсолютно ничего не ясно. Одно дело о краже на рынке. Торговка заявила, что у нее с прилавка исчезло два гуся. Кроме самого заявления, ничего нет. Зачем пытаться украсть это дело? Также и по краже из сарая: из незапертого сарая украли дрова, причем не все, а только часть. Опять же трудно представить, что воришка, укравший часть дров, пытался украсть и само дело. Опять же кроме заявления у меня ничего нет.

Рыжий зашевелился, намекая, что думать надо более вдумчиво.

– Ты не спеши, думать не торопясь надо, – урезонил его Петр и продолжал опять перебирать все дела. В конечном итоге у него получилось, что, скорее всего, события последних дней могли быть связаны с двумя из них.

Первое. Дело о драке. Молодой рабочий кирпичного завода Семен Коновалов подрался. Потерпевшему, а это был мастерской этого же завода, были нанесены телесные повреждения: синяки, сломана рука, нос. Однако закон позволял в этой ситуации прекратить дело по примирению сторон, что собственно и предложил следователь. Петру Андреевичу было жаль парня: молодой, горячий, к тому же повод для драки был достаточно серьезный – мастерской систематически унижал и обижал молодого рабочего, недавно приехавшего на заработки из деревни. Сама драка имела место после безобразной сцены, когда мастерской при всех кричал на парня, обзывал его тупой деревенщиной. Поэтому следователю не хотелось отправлять парня по этапу, и он предложил примириться. Мастерской не возражал, но требовал, чтобы рабочий прилюдно извинился перед ним. Коновалов категорически отказался это делать, более того, будучи малообразованным, но грамотным, он ухитрился нахвататься каких-то революционных идей и видел себя в роли борца за справедливость и народное освобождение. Мастерской соответственно представлялся ему эксплуататором, а следователь, который вел дело, тоже выступал в качестве не самом благовидном: защитником всех эксплуататоров от праведного гнева всех эксплуатируемых. На допросах Семен вел себя вызывающе, разговаривал не то что грубо, а даже несколько презрительно. Железманов не стал брать его под стражу, это было совсем необязательно. Однако сейчас, анализируя все обстоятельства дела, прежде всего личность молодого парня, Петр мог допустить, что обвиняемый в качестве протеста против эксплуататорского строя залез в кабинет следователя, чтобы уничтожить дело. Да и в квартиру он вполне мог заявиться: рабочий мог быть в наивной убежденности, что следователь держит бумаги у себя дома.

– Впрочем, есть и второй вариант, – немного подумав, произнес Железманов.

Кот с интересом посмотрел на двуного: еще вариант?

– Да, есть еще одно дело, в котором тоже есть за что зацепиться, – подтвердил кивком головы Петр. Потом чуть подумав, продолжил: – Три недели назад в Татарской слободе, как раз на улице Татарской, около мечети был ограблен один мужчина, грабителей было трое, отобрали шубу, шапку, кошелек. Через пять дней в Успенском овраге, как раз рядом с Татарской слободой, ограбили еще одного пешехода. Снова отобрали деньги и носильные вещи. И опять грабителей было трое. Потом уже на Набережной опять трое человек попытались ограбить купца Дементьева, он оказал грабителям сопротивление. Его Господь силушкой не обидел, раскидал он всех троих как котят и бросился наутек. А через неделю урядник задержал на рынке мужчину, пытавшего продать мужскую шубу. Шуба была явно не по росту продавцу: она могла прикрыть разве только одно плечо. Про грабежи было известно, и страж закона проявил бдительность, доставил подозрительного продавца в участок. Вызвали первого потерпевшего, и он свою одежду признал, даже точно указал на шов на подкладке: когда-то зацепился за гвоздь и ему жена зашивала. Так был задержан один из грабителей, обыск у него дома, разговор с домашними дал возможность быстро установить и второго грабителя, который по совместительству приходился старшим братом первому. А вот личность третьего еще только предстояло установить: оба брата путались в показаниях, отчаянно врали, но отказывались выдавать подельника. Даже после очной ставки с потерпевшими твердили, что совершали свое дело только вдвоем. Можно предположить, что третий был главарем, державшим подельников в страхе, и поэтому они боялись его называть. Или не только боялись? Или же надеялись и на какую-то помощь от него? Возможно. И судя по всему этот третий был фигурой решительной, способной на отчаянные поступки. Вот этот тоже, пожалуй, мог забраться в квартиру следователя и в его кабинет.

Значит по этим двум делам и надо работать более плотно. Этим он займется завтра, а сегодня, пожалуй, пора и на покой. Тем более, что Тимофей – его верный советчик – уже не кемарил, а просто откровенно спал, уютно устроившись на руках.

На следующий день Железманов с утра пошел не в служебный кабинет, а на Сараевскую улицу, которая находилась совсем на окраине Касимова. Именно там в одном из домов снимал угол Семен Коновалов. Парень был дома, точнее, во дворе: рубил дрова. Увидев Железманова, пробурчал:

– Аааа, защитничек эксплуататорского класса пожаловал!

– Вопросы у меня есть к тебе.

– А что повесткой не вызвали?

– Решил, что так быстрее будет. Да и тебе хлопот меньше. Ты где был ночью позавчера?

– Как где? Дома ночевал!

– А кто может это подтвердить?

– Хозяйка моя.

– Так, а третьего дня, примерно с 10 утра до часу дня?

– Тоже дома, вон забор правил.

– А что, не работаешь сейчас нигде?

– Так с завода меня уволили после этого всего, другую работу не нашел.

«Сидит без денег, тут возможно самые лихие мысли в голову придут», – подумал Петр. С другой стороны ему было жалко парня: пришел работать на завод, попал на начальника самодура, а общество, вместо того чтобы обучить парня как следует и работать, и права защищать, подкидывает ему сомнительные идеи о классовой борьбе. Железманову и революционерам было искренне жаль: он считал, что многие из них в революцию окунулись из-за искренних стремлений сделать мир лучше. Больше всего он боялся, чтобы такими идеями не увлеклись его сестры, поэтому все время старался им внушить, что за справедливость надо бороться

законным путем, а делать жизнь простого народа лучше следует на учительской или другой полезной стезе. Это имело успех, поэтому после окончания гимназии девушки пошли учиться дальше: старшая Екатерина посещала занятия на Бестужевских курсах, а младшая Лиза поступила в Первый медицинский женский институт в столице.

– На что же ты живешь? – спросил Железманов подследственного.

– Да вот поденной работой всякой перебиваюсь, кому дров нарублю, кому воды принесу, печку переложу. Это у меня хорошо получается.

– Так может тебе не надо было на завод поступать? Ходил бы по деревням и клал печки? – следователь понимал, что сейчас он опоздал со своими советами. В данный парень никуда не может уйти не имеет права, он под следствием и у него отобран вид на жительство (своеобразная подписка о невыезде). Если только после приговора и отбытия срока в тюрьме. Но это если он не замешан во взломе служебного кабинета, тогда несколькими неделями отсидки не отделаешься. Поэтому пришлось задавать новые вопросы:

– А где хозяйка дома? Веди к ней, спросим у нее за твое житье-бытье.

Хозяйка – пожилая женщина была дома и заверила, что Коновалов всю ночь был дома.

– Но может вы спали и не слышали, как он выходил? – настаивал Железманов.

– Да не спала, нездоровилось мне, так он чай заваривал с травками, самовар разогревал. Вот голову даю на отсечение, всю ночь из дома ни ногой.

– А третьего дня с утра вы дома были?

– А куда мне деваться, у меня ноги почти не ходят. Дома была, а Сергей забор чинил. Я это через окно видела.

– Точно, ничего не путаешь? У окна сидела и никуда не отходила?

– Вот тебе истинный крест, сидела, чулок вязала. Он вообще хороший, заботливый, по хозяйству всегда помогает. Я уж, когда его с работы погнали, отказывать от квартиры ему не стала, пропаду я одна совсем. Пусть живет, места много. Зря ты его, мил человек, в тюрьму собрался сажать. Хороший он, – начала урезонивать следователя женщина.

«Может и хороший, если дурь всякую в голову брать не будет», – подумал следователь. Первоначальная версия не складывалась. Надо было проверять вторую версию: о третьем грабителе. Это было сложнее, хотя по-любому третьего соучастника надо устанавливать. Надо ехать в тюрьму и снова допрашивать этих братьев.

* * *

Рязань, начало февраля 1910 г.

Зазнаев обходил гостиницы. Это было вполне логичное действие, когда надо искать гостя города. То, что неизвестный отравитель – не рязанец, приходило на ум прежде всего. Уж больно широка была география отравлений: подобные случаи зафиксированы и в Севастополе, и в Москве, и даже в жарком Баку. Словом, везде, где были проложены железные дороги. Однако неожиданная накануне смерть владельца только что открывшегося магазина кроватей и решеток на Мясницкой и по совместительству важного свидетеля говорила о том, что преступник остался в Рязани. Почему? Вот это интересовало следователя больше всего. Если вопреки своему почерку нарушил всю привычную схему, то значит в Рязани его привлекло что-то из ряда вон. Нет, нельзя исключать, что у него здесь родственники или подельники. Но все же гостиницы проверить надо.

Швейцар в гостинице Михайлова на Почтовой улице распахнул перед следователем дверь и даже поднес руку к козырьку – начальство идет. Зазнаева тут знали, ибо он уже не раз приходил по служебным делам. Это облегчило разговор: сотрудники гостиницы, увидев следо-

вателя, уже понимали, что его может заинтересовать, и услужливо пододвинули книгу, в которой записывали постояльцев.

– Но у нас все в порядке, никто не пропал, происшествий никаких не было: ни краж, ничего более предосудительного, – в голосе управляющего сквозил легкий упрек: мол, мы приличная гостиница⁶, у нас солидные господа останавливаются, грех о них плохое думать.

– Меня интересует господин среднего роста, уже в возрасте. Примерно лет 50, одет хорошо, скорее всего позавчера ночью прибыл с казанским поездом, – пояснил следователь.

– У нас только солидные господа бывают, все хорошо одетые, – опять намекнул управляющий.

– Поэтому я к вам и пришел. Посмотрите, был у вас похожий постоялец, может сейчас живет?

– А он был с дамой?

– Не знаю, но думаю, что нет.

– У нас позавчера заселился господин Неронов, Максим Степанович. Он как раз прибыл с супругой – Александрой Дмитриевной. Ему 51 год, ей 42. Они сейчас в номере.

Присутствие дамы не вписывалось в намеченную схему. Самое главное даже не это. Непродолжительная беседа с супружеской парой подтвердила, что след это ложный – супруги, как свидетельствовали билеты, прибыли в Рязань ночью, но не казанским, а саратовским поездом, прибывавшим в Рязань на час раньше казанского поезда. Соответственно, пока в поезде травили несчастного будущего владельца ватноделательных фабрик, Нероновы были уже в Рязани.

Впрочем, были еще две ниточки: в ту ночь в гостиницу примерно в 6 утра заселилось еще два человека, только они уже съехали из гостиницы. Ну и где их искать?

– Что они говорили о себе, как представились?

– Вот читайте: мещанин из Зарайска Сенин Федор Потапович. А второй – Торчинов Федор Сергеевич, статский советник, служит в министерстве.

– В каком?

– Он не обозначил.

– А чем занимается господин Сенин? Он не упоминал?

– Упоминал. Сказал, что по коммерческой части, что приехал поговорить со своими партнерами.

– А с кем именно?

– Вот этого он не поведал. Только я так понял, что у него их несколько. Он одного ждал тут в гостинице, но тот не приехал, и этот Сенин сокрушался, что ему ехать надо в Спасск, а то не успеет.

– Жалко, мне теперь в Спасск придется ехать.

– Вообще-то он ненадолго туда собрался, буквально на один день. Сегодня утром уехал, а вечером собирался опять быть в Рязани.

– Сюда собирался вернуться?

– Нет, он сказал, что пообедает тут в ресторане и потом поедет на вокзал, домой в Зарайск собрался.

– А в каком ресторане, не говорил?

– Нет, но в этом ресторане он как раз собирался встретиться с партнером, который не пришел.

– Откуда вы это знаете?

⁶ Гостиница Михайлова и в самом деле была приличная, в том плане, что останавливаться в ней могли только состоятельные люди, которым хозяин представлял довольно высокий уровень комфорта. При ремонтных работах на Почтовой в современные дни в здании бывшей гостиницы была обнаружена скважина, благодаря которой вода доставлялась прямо в номера.

– Так он записку оставлял этому партнеру, чтобы, значит, тот как раз тоже в этот ресторан подошел, поэтому я это все и знаю, – управляющий старался подчеркнуть, что он не следит за клиентами, а они ему сами все рассказали.

– Записку? – изумился Зазнаев. Кажется, впервые стало везти. – Вам придется предъявить ее мне.

– Так не могу.

– Почему?

– Потому, что партнер нашего постояльца пришел и забрал ее. Буквально за 5 минут до вашего прихода.

Ну кто мог знать, что надо было тратить время не на разговоры пожилой семейной четой, а срочно догонять человека, забравшего записку?! Увы, нельзя угадать все. Тут взгляд Ивана упал на стол. Он заметил, что в углу стола лежит стопка небольших листочков. Рядом лежал карандаш. Логично предположить, что постояльцам предлагали писать подобные записки именно на этой бумаге. Догадку подтвердил управляющий.

– Да, он писал записку на этой бумаге.

– А вы не помните, он взял из папки листочек и писал на нем одним или так и писал, не снимая листочек со всех остальных?

– Он прямо так и писал: на верхнем, который лежал на остальных. У нас поверхность стола шершавая, писать не очень удобно.

– А больше никто записок сегодня не писал?

– Нет, вроде.

– И листочки не брал?

– Мы не следим, но вроде нет.

Зазнаев взял верхний листок и посмотрел на него. Это сейчас не проблема прочитать надпись, сделанную даже через 20 листов бумаги. Тогда таких возможностей не было. Но небольшая уловка не раз выручала всех, кто хотел узнать тайное – и следователей, и шпионов, и даже любопытных мальчишек. Иван Васильевич положил верхний листочек бумаги на шершавую поверхность стола, взял карандаш и стал им водить по листику. Как по волшебству перед ним на сереющем листочке проступала белая надпись: «Буду ждать послезавтра в ресторане „Бристоль“ в 18:00».

Ну, вот это уже что-то. Ресторан «Бристоль» один. Находится на Почтовой. Прийти туда послезавтра к 18:00 не проблема. А пока надо сделать несколько других дел.

Первое – это навестить полицейского врача и выслушать его мнение о причинах смерти Ачуева. Впрочем, тот ничего особенного не сказал, это заключение во многом походило на то, которое он выслушивал пару дней назад, когда пытался понять причину смерти пассажира в вагоне поезда.

– Конечно, назвать здоровым я бы этот организм мог только с большой натяжкой. Все-таки возраст – это возраст. Курил много, легкие все черные. Но жить он бы еще мог достаточно долго. Никаких причин скоропалительной смерти не нашел – ни разрыва сердца, ни внутреннего кровотечения, ни кровоизлияния в мозг, – рассказывал врач.

– А как насчет отравления?

– Вы имеете в виду хлороформ?

– Да.

– Ну, я уже говорил вам в прошлый раз, что определить следы хлороформа достаточно тяжело. Поэтому исключить этого я не могу, но и прямого подтверждения тоже не имею возможности дать.

– А платок?

– Там видно какие-то разводы, но, что это именно хлороформ, тоже не могу определить.

Однако сам факт отсутствия явных причин для внезапной естественной смерти и наличие похожего платка опять не давали Зазнаеву успокоиться версией, что господин Ачуев неожиданно умер просто так. Иван Васильевич за годы службы убедился, что жизнь богата на совпадения, но когда так подозрительно из жизни уходил нужный свидетель, то был склонен подозревать, что свидетелю помогли уйти в мир иной. В любом случае обстоятельства смерти свидетеля проверялись им особенно тщательно.

Он решил еще раз поговорить подробно с прислугой и членами семьи Ачуева. Следующий день после похорон может был не самый лучшим моментом, чтобы лезть с расспросами, но ничего не попишешь. В конце концов он не ради любопытства свои вопросы задает. Супруга, точнее вдова мало что добавила к своим прежним показаниям. С одной стороны она еще не пришла в себя, с другой – она и в самом деле не видела человека, который в тот трагический день приходил к ним в дом. А вот беседа с горничной оказалась вполне результативной. Девушка уже отошла от суеверного ужаса перед смертью, не плакала и вполне здраво отвечала на вопросы следователя. Новых примет относительно внешности она дать не смогла, все повторяла одно и то же: не высокий («Ниже вас, барин»), не худой, не толстый, уже в возрасте («Ну он не очень старый, но уже и не молодой»). Зато появились некоторые интересные подробности о личности гостя:

– Может ты слышала, о чем говорили гость и твой хозяин? – спрашивал девушку Зазнаев.
– Так я в другой комнате была, при разговоре меня не было.
– То есть в комнату, когда там находился гость, ты совсем не входила? И даже чаю не предложила гостю?

– Да не захотел он чаю. Я им водки принесла!
– А когда водку приносила, они ни о чем не говорили? Постарайся произнести дословно.
– Попробую. Значит, увидел он меня с подносом и говорит: «Вот и водочка, в самый раз к морозцу. В наши морозы чуть-чуть водочки – это настоящее спасение. Вообще, русский человек без водочки – не человек. Неслучайно даже монахи не отказываются от этого напитка. Вон, я слышал, в Болгарии монахи добавляют каплю воды в ихнюю водку, она белеет, и они говорят, что молоко пьют». Ой, такое бывает? Он, наверное, пошутил?

– Нет, не пошутил, такое и в самом деле бывает. Ты не отвлекайся, рассказывай, что дальше было?

– А Кирилл Петрович тоже это спросил, – воскликнула девушка.
– Что спросил? – не понял следователь.
– Да про водку, ну которая якобы в молоко превращается, мол, вам такую пить приходилось?

– Ну а гость, что ответил?
– Ответил, что да, пил, пил, когда воевал с турками. А дальше я ушла из комнаты и больше ничего не слышала.

Таким образом, выяснилась интересная подробность: гость представлялся участником русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Возраст у него был подходящий, если ему и в самом деле немного за пятьдесят, в 1877 году ему как раз было 19 или чуть больше. Воевал ли он на самом деле или просто создавал такой образ? Про болгарскую анисовую водку знал достоверно, она и в самом деле становится белой, если в нее добавить каплю воды. Однако для того, чтобы быть в курсе этого, необязательно бывать в Болгарии. Вон он, Зазнаев, не был в Болгарии, но это знал. И уж тем более не обязательно воевать. И Ачуев тоже был осведомлен про такое таинственное свойство болгарского напитка, хотя воевать не воевал, по возрасту, в отличие от Зазнаева, подходил, но его не призвали (это следователь уточнил у вдовы). Однако образ солнечного государства и далекой войны возник снова уже вечером.

Когда стемнело Иван Васильевич отправился в ресторан «Бристоль» отлавливать господина Сенина, Федора Потаповича. Пошел он в ресторан не один, он попросил сопровождать себя горничную Дуню. Если вечером в ресторан должен будет прийти таинственный гость, который разбирается в напитках братского славянского народа, то будет неплохо, если девушка его сразу опознает. Они пришли в ресторан за полчаса до указанного в записке времени, заняли столик. Зазнаев заказал для девушки чаю и пирожное, а сам задал пару вопросов управляющему.

– Скажите, у вас часто бывает господин Сенин?

– Не часто, он живет в Зарайске, в Рязань приезжает раз в две-три недели.

– А сегодня он будет?

– Да, он заказал столик и предупредил, что его будут искать: подойдет деловой партнер. Это случайно не вы?

– Нет, не я. Но я бы тоже хотел побеседовать с господином Сениным. Какой столик ему забронирован?

Половой показал на столик в углу зала. Пожалуй, это было лучшее место в этом ресторане. Ивана Васильевича это вполне устраивало – с того места, которое они сейчас занимали, нужный столик был виден очень хорошо.

– Пожалуйста, не говорите господину Сенину, что я его жду. Я сам представлюсь ему, – попросил следователь полового.

Около шести показалась фигура посетителя, который подходил под описание. По тому, как суетливо крутился вокруг мужчины полового, можно было не сомневаться, что это постоянный клиент, не скупящийся на чаевые.

– Доброго здравечка, уважаемый Федор Потапович, присаживайтесь. У нас сегодня семга исключительной свежести. А еще грибочков не желаете?

– Желаю. И водки принеси.

– Конечно, конечно, а может еще селедочки?

– Нет, селедки не надо. Язык отварной есть?

– Есть. Как подать? С хреном? Горчицей?

– Неси то и другое.

Зазнаев внимательно смотрел, как Сенин делает заказ, и попросил девушку:

– Дуня, гляньте внимательно: не этот ли господин приходил к Кириллу Петровичу?

Дуня посмотрела на мужчину, потом покачала головой:

– Нет, это не он, тот и говорил иначе и выглядел тоже.

– Точно?

– Я уверена.

Увы, эта ниточка обрывалась. Пришлось проводить девушку к выходу, поймать извозчика, дать ему мелочь, чтобы он доставил горничную на Нижненикольскую. Сам вернулся в ресторан. Он хотел поговорить с этим господином Сениным. Пока следователь выходил из зала, у Федора Потаповича уже появился собеседник, точнее деловой партнер, и судя по всему партнер был не очень пунктуальный и обязательный. Разговор разворачивался на повышенных тонах:

– Я тебе когда велел приехать? Ждал тебя в гостинице, а ты и носа не показал, – шумел Сенин.

– Да я показал, я приехал, но опоздал только, – оправдывался мужчина лет тридцати.

– На два часа, – язвительно уточнил Сенин.

– Ну ехать же далеко, – пытался придумать оправдание горе-предприниматель.

– Выезжать надо раньше. Когда поставишь товар?

– Завтра.

– Завтра? Ты три дня назад обещал!
– Ну поставлю, вот истинный крест!
– А покупателям я твое крестное знамение буду предъявлять? Не буду я больше с тобой дело иметь.

– Каюсь, виноват. Дайте возможность исправиться, – начал лепетать мужчина. Однако Сенин не успел ответить. К их столику подошел Зазнаев и представился:

– Добрый вечер, Федор Потапович, я следователь по особо важным делам и мне бы надо поговорить с вами. Дело, не требующее отлагательства.

– А попозже нельзя?

– Нет, никак нельзя.

Сенин нехотя подчинился:

– Ладно, прощаю в последний раз. Если завтра товара не будет, ко мне больше не приходи, – бросил он своему деловому партнеру.

Незадачливый поставщик ушел, кланяясь и благодаря.

– И о чем вы хотели со мной говорить?

– Вы четыре дня назад заселились в гостиницу на Почтовой улице, провели там ночь, а потом выехали на следующий день вечером. Так?

– Так. А к чему бы это?

– Вы прибыли в Рязань ночью казанским поездом?

– Да.

– А вы не заметили, с вокзала в гостиницу вы приехали один?

– Да я особо не обращал внимания, но когда выходил из вокзала, то явно не один я с поезда вышел, и в гостиницу со мной тоже один господин заселялся. Но вот приехал ли он тем же поездом или как еще прибыл – сказать не могу.

– А вы когда заселялись, то не слышали, как он отрекомендовался?

– Слышал, но плохо запомнил. То ли господин Точилин, то ли Тормилин.

– А может Торчинов?

– Да, вроде так.

– Может вы общались с ним в гостинице, обсуждали что-то? Он вам о себе ничего не рассказывал?

– Нет, 6 часов утра, спать хочется, – довод Сенина звучал вполне логично. Зазнаев вздохнул, и неожиданно свидетель вспомнил важную деталь:

– Я его видел на следующий день. Так мельком.

– Где?

– На Семинарской улице, он из дома одного выходил.

– А номер дома не припомните?

– Нет, запомнил, что вроде как раз рядом с училищем напротив духовной семинарии.

Пришлось уговорить Сенина по дороге на вокзал заехать на Семинарскую (благо по пути) и показать этот дом. На двери значилась табличка: «Врач Секретеров Илья Николаевич».

«Может этот господин заболел и ему потребовался медик?» – подумал Зазнаев. Если это так, то это неплохо: иногда врачам сообщают интересные детали биографии, и они бывают реальными, ибо болезни тоже у людей реальные. Поэтому Иван Васильевич попросился со свидетелем (пусть едет, а то еще на поезд опоздает), а сам решительно протянулся к медной ручке, на которой было выбито «Покрути меня». Уже через минуту Зазнаев стоял в приемной и объяснял девушке, что ему срочно нужен доктор Секретеров.

– Доктор принимает с утра, если у вас нет ничего срочного, то не могли бы вы прийти завтра? – пыталась отстоять право на отдых своего работодателя домработница.

– У меня неотложное дело, и прошу доложить обо мне, – настоял следователь.

Илья Николаевич тоже вначале дал понять, что с болячками приходиться к врачу в неприемное время можно только уж совсем занеможет. Зазнаев не удивился, он прекрасно понимал, что не похож на умирающего. Но еще больше врач заупрямился, когда Иван Васильевич объяснил, что сам здоров, но ему нужно получить сведения об одном пациенте.

– Насколько я понимаю, вы человек образованный и должны знать, что врачи дают клятву, которая в том числе связывает нам язык, мы не имеем права рассказывать о болезнях наших пациентов, – решительным тоном заявил он, разворачиваясь спиной.

– Но вы тоже человек образованный и тоже должны понимать, что следователь интересуется такими вопросами не просто так, а из служебного долга. Я разыскиваю убийцу, который не просто отправил на тот свет несколько человек, но и возможно собирается делать это дальше, – настаивал следователь.

– И вы уверены, что этим убийцей является мой пациент?

– Не совсем. Но я уверен, что разговор с вами мне может помочь. Также я обещаю, что наш разговор останется исключительно между нами и не будет использован кому-либо во вред.

Минут через пять он добился своего, услышав желаемое:

– Хорошо, кто именно вас интересует?

– Я не знаю точно его имени, возможно, он представился Торчиновым, а может и как-то еще. Ему примерно 50 лет, он невысокого роста, хорошо одет.

Зазнаев указал точную дату и время, когда приходил этот пациент.

– Ладно, я сейчас посмотрю журнал, – пробурчал врач.

Через минуту оба листали исписанные страницы:

– Вот, – доктор показал пальцем в одну запись. – В то время, которое вас интересует, от меня мог выходить именно этот господин. Представился Торчиновым Федором Сергеевичем, ему 56 лет, он невысокого роста, хорошо одет.

– Доктор, спасибо за помощь, но я не могу не спросить, с чем он обращался?

– А как вам это поможет его найти?

– Ну, если он пришел к вам с насморком, то не поможет. А если нет? Может он что-то о себе рассказывал? – настаивал следователь.

– Ну, ладно, если это так важно... – окончательно сдался медик. – Он обращался по поводу головной боли.

Зазнаев разочаровано вздохнул. Головная боль – дело обыденное, по ней человека не найдешь. Это заметил врач, чуть подумав, он добавил:

– Может быть я смогу вам помочь. Пациент сказал, что головные боли являются следствием контузии, которую он получил в бою еще в молодости. Ваш Торчинов связывает свое недомогание именно с ней, поэтому это стало предметом нашего разговора.

– Связывает? А на самом деле как?

– Трудно сказать, головные боли в этом возрасте – дело не уникальное, может возраст влияет, а может перемены в погоде, имеет ли значение контузия, которая была получена много лет назад, – уже не определишь. А так нельзя исключить, что вообще не имеет отношения, но пациент про нее рассказал и правильно сделал. Врачу лучше сказать лишнее, чем не сказать нужное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.